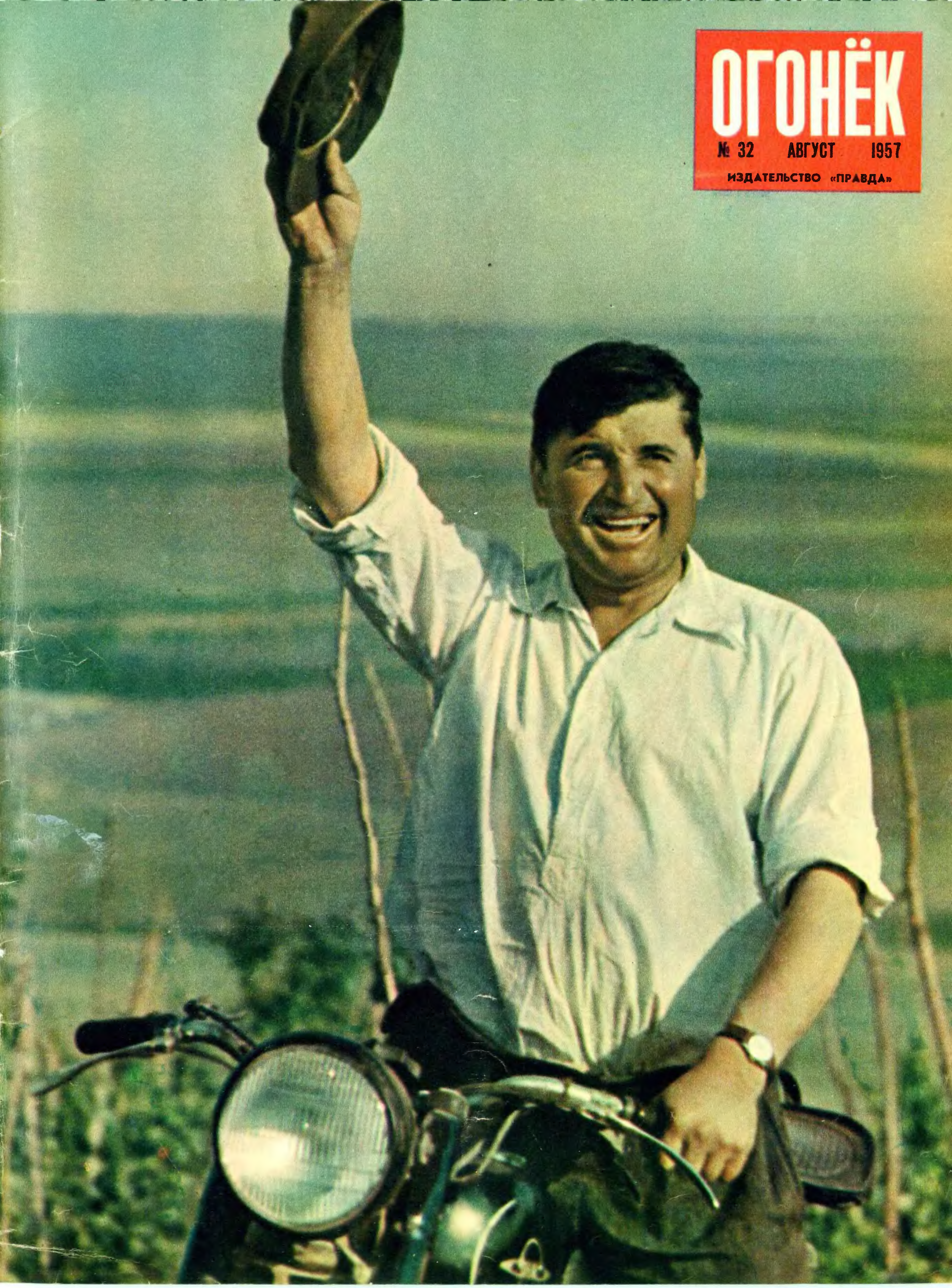

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва. У Белорусского вокзала.

Фото Я. Берлинера.

На первой странице обложки: Бригадир комплексной бригады колхоза имени Кирова, Чадыр-Лунгского района, Молдавской ССР, Константин Николаевич Тукан.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: С покоса.

Фотоэтюд И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ОГОНЁК № 32 (1573) 4 АВГУСТА 1957

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Собралась на фестивальный праздник молодежная семья

— В нашу древнюю Москву, на нашу землю второй раз в этом году пришла чудесная весна.

Эти слова Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, сказанные им на открытии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов за мир и дружбу, красноречиво говорят о том, что происходит сейчас в Москве.

Вторая весна пришла, шумная, яркая! Она — в молодости улиц советской столицы, в живописных нарядах гостей, в рукоплесканиях четырех миллионов рук, в приветственных возгласах людей, которые встречали машины с посланцами 120 стран мира, двигавшимися к стадиону имени В. И. Ленина в Лужниках.

Здесь все уже ждали минуты торжественного открытия фестиваля, когда по радио на стадионе раздался голос:

— Дорогие друзья! Открытие фестиваля несколько задерживается по понятным причинам: в пути следования к стадиону делегатов фестиваля горячо приветствуют сотни тысяч москвичей.

Эти слова вызвали бурю аплодисментов.

Сегодня начинается вторая неделя Всемирного фестиваля. Но не было еще ни одного дня, когда необыкновенное радушие, гостеприимство советских людей не изменили бы немного планы, составленные Международным подготовительным комитетом. И никто не в обиде, что в объемистую зеленую книжку программы фестиваля по понятным для всех причинам вносятся поправки: непредвиденно долго задерживаются фестивальные автобусы на улицах, до поздней ночи не смолкают на площадях крики: «Мир и дружба!» Гости и хозяева не хотят расставаться.

Никто в эти дни не удивляется, если двое совершенно незнакомых людей на улице крепко жмут друг другу руки, обнимаются и расходятся друзьями.

Тысячи, тысячи и тысячи подобных встреч проходят ежеминутно, ежечасно на улицах, площадях, в парках Москвы. Они-то и есть главное на фестивале, хотя в программе, конечно, о них ничего не могло быть сказано по понятным для всех причинам.

Двадцать восьмое июля — четвертое августа. Всего неделя.

А сколько значит эта неделя для молодежи мира, для самого мира! Как укрепила она веру людей в дружбу между народами, как увеличила силу этой дружбы!

Причина понятна всем — идет фестиваль!

В центральной ложе стадиона имени В. И. Ленина.

28 июля делегаты фестиваля двинулись на стадион в Лужниках. Их путь был радостен, но... труден. Миллионы москвичей вышли на улицы, чтобы пожать руки посланцам мира, сказать заветное слово «Дружба».

НА ОТКРЫТИИ ПРАЗДНИКА

Алексей **МАРКОВ**

Пришел на праздник переводчик,
Но он совсем не нужен здесь:
Когда посмотришь, путь короче
От сердца к сердцу нынче есть.

Взлетают голуби над нами,
Хлопками слышен крыльев взмах,
И общее сияет знамя —
Большое солнце в небесах.

Для дружбы есть все основанья,
Клянемся: дружба на века!
За мир бороться не устанем,
Пока мы есть, живем пока!

В едином порыве загремел стадион бурными рукоплесканиями, когда в три часа перед трибунами появилась эмблема фестиваля.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

— Ханой — Москва! Ханой — Москва!

ЛЮДИ УЗНАЮТ ДРУГ ДРУГА

— Пррол-паган-да! Пррол-паганда! Пррол-паганда! — Эти слова громко, на весь зал маленького почтового отделения в останкинской гостинице произносит плечистый парень в белой майке с разноцветной фестивальной косынкой на шее. Он сидит за столом. Перед ним горка открыток с видами Москвы. Он что-то пишет на каждой из них и повторяет:

— Пррол-паганда! Пррол-паганда!

Мы знаками спрашиваем у него, почему «пропаганда».

Парень показывает нам на открытки, на виды Москвы, на почтовую марку, на адрес, который он написал, и снова говорит громко:

— Пррол-паганда!

— Но почему? — пытаемся спорить с ним мы. — Ведь вы в Москве, поэтому на открытках изображены виды этого города. Если бы вы были в Англии, то, наверное, посылали бы своим друзьям открытки с видами Лондона.

Парень энергично машет рукой.

— Пррол-паганда! Пррол-паганда! — слышится в почтовом отделении.

Наконец на помощь приходит переводчик. Он спрашивает шумливого парня, в чем дело, и тот отвечает:

— Когда я уезжал из Италии, мне говорили: Советский Союз такая страна, что ты оттуда даже не сможешь послать за границу письмо. Тебе запретят. А я посылаю. Оказывается, можно. Значит, то была пррол-паганда!

Затем парень — его зовут Рекорари Джаномо — сгребает в кучу

Вас приветствует Иордания!

Делегаты Черной Африки вышли на одну из улиц.

Здесь ничего объяснять не нужно...

тридцать или сорок надписанных им открыток и идет к почтовому ящику. Через несколько дней его друзья в городе Реджо-Эмилия получат открытки с видами Москвы.

...Бразилец Хелио Гонсалвес, студент-юрист, аккуратно выписывает адрес на письме, а затем имя и фамилию: Мария Де Беллем. Мы спрашиваем, кому предназначается это первое письмо из Москвы. Оказывается, его девушке.

— О чем же вы ей пишете, если не секрет?

— О том, что я остался жив и, как видно, ничего трагического со мной не случится,— со смехом отвечает Гонсалвес.— Видите ли, я не коммунист, и моя Мария, провожая меня на фестиваль, очень боялась, что по этой причине со мной здесь расправятся. Кто-то пытался убедить ее в этом. Ну, а я посылаю им письменное свидетельство.

...Полный итальянец, с небольшой каштановой бородкой, в белой капитанской фуражке с лакированным козырьком, на котором прицеплена по крайней мере дюжина значков, очень удивлен. Он переспрашивает у окружающих его москвичей:

— Не платите, а получаете?

Он с сомнением смотрит на всех, потом, не будучи уверен в своем знании русского языка, рисует на песке круг.

— Это университет,— говорит он. Затем берет несколько камешков с того места, где нарисован круг, и кладет к себе в карман.

— Так?

— Так, так,— отвечают ему все вокруг.

— А не так? — снова переспрашивает он и, вынимая камешки из своего кармана, кладет их в круг.

— Нет, нет, не так! — смеются его собеседники.

— Значит, вы ходите в университет и еще получаете деньги? Но за что?!

Ему еще долго объясняют, что такое стипендия, а он крутит головой и говорит, что друзья в Италии ему не поверят.

...Чех, видимо, не очень хорошо говорит по-русски. Собравшиеся вокруг него юные москвичи уже уяснили себе, что он охотник. На кого он охотится? Чех изображает руками какую-то зверюшку.

— На птиц? — спрашивает кто-то.

— Ньет, ньет! — качает головой чех.— Вод-вода, живет вода. Я охотник — охочусь его.

— Бобры? — высказывается предположение.

— Ньет.

— Лягушки? — удивленно спрашивает какой-то мальчуган.

— Ньет, ньет.— Чех безнадежно машет рукой.— Не знаю по-русски. По-нашему, по-чешски, его зовут рыба, рыба...

Все громко хохочут.

...Бюро погоды обещало «дождь во второй половине дня». Но солнце, утром спрятавшееся было за тучи, тоже захотело посмотреть на чудесный праздник. И грело оно так, что даже делегатам из Индии стало жарко. На Фрунзенской набережной какой-то догадливый паренек пробрался сквозь толпу к киоску с газированной водой и потребовал:

— Срочно три стакана с сиропом для индийских гостей!

Потом протолкался к машине с индийскими делегатами и протянул им полные стаканы:

— Пейте! Мало будет — еще принесу!

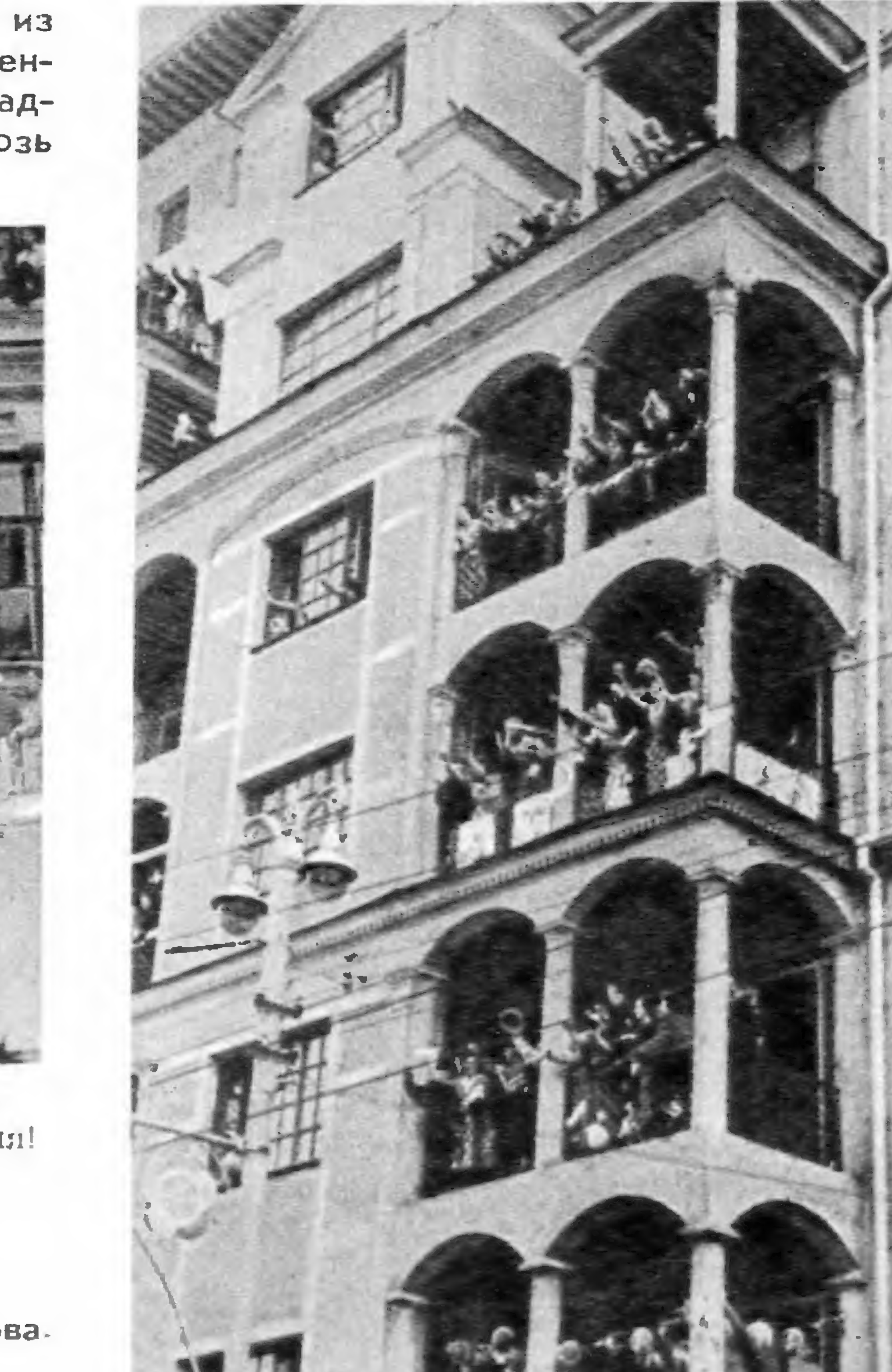
— Вери гуд! Коулд! — сказал кто-то из гостей, отведав воды.

— Правильно, вода холодная. А дружба наша горячая! — ответил ему паренек.

Гости поняли только одно слово — «дружба». Но этого было достаточно.

Г. БОРОВИК,
А. СЕРИКОВ

Тут и те, у кого окна выходят на другую сторону.

— Вот мой адрес. Пишите.

С большим интересом на далеком Мадагаскаре будут рассматривать снимки, сделанные в Москве.

— Мир... хорошо... Война.. нет!
Идет оживленная беседа по разговорнику.

Какая уж там торговля!

Фото А. Бочинина, Я. Рюмкина, Е. Умнова.

Пожелаем им успеха!

Борис ЗУБАВИН

Утром в колхоз «Память Ильича», Мытищинского района, Московской области, приехала делегация аргентинской молодежи. Ее встретили в колхозном клубе, празднично украшенном фестивальными флажками и гирляндами цветов. По карнизам клубных окон бродили, воркуя, голуби, нисколько, впрочем, не мешая своей воркотней той оживленной беседе, которая сразу же завязалась между гостями и председателем колхоза Осипом Михайловичем Рудиным, пожилым, невысоким человеком, в белой русской косоворотке.

Гости задавали самые различные вопросы: что выращивается на колхозных полях и что такое колхозный двор? Сколько земли у колхозника в личном пользовании, сколько скота, птицы? Какие культурные мероприятия проводятся в деревне?

После беседы гости осмотрели животноводческую ферму, парники, большой сад, побывали в домах колхозников.

Они провели здесь весь день. Вечером мы беседовали с молодыми аргентинцами.

Мартин Рогелио, секретарь молодежной коммунистической организации провинции Санта-Фе, сказал:

— Прежде всего скажу не о колхозе, а о той радушной, сердечной встрече, которую устроила нам советская молодежь и которая оставила в сердцах аргентинцев самые сильные впечатления. Нас окружили вниманием с того самого момента, как только мы ступили на советскую землю. У нас создалась глубокая вера в то, что советская молодежь с огромным энтузиазмом стремится к дружбе с другими народами, к объединению общих наших усилий в борьбе за мир.

Что самое интересное увидели мы в колхозе «Память Ильича»? Интересного было много, и говорить об этом можно долго, но самое главное для нас, аргентинцев, заключается в том, что советская крестьянская молодежь имеет неограниченные возможности владеть землей, быть ее полным хозяином, может свободно учиться, приобщаться к культуре, знаниям, заниматься спортом. Да, не удивляйтесь: у нас в Аргентине крестьянская молодежь не имеет всех этих возможностей.

Мартин Рогелио.

Своими впечатлениями делится бухгалтер София Фрадкина:

— Я читала много различных брошюр о жизни в Советском Союзе, периодически слушаю московское радио на испанском языке. То, что я увидела в колхозе, только подтвердило мои знания о вашей стране. Но мне больше всего понравилось то, как у вас поставлено медицинское обслуживание, которым бесплатно пользуется любой деревенский житель. Ведь у нас в Аргентине не только в деревне, но и в иных больших городах нет никакого медицинского обслуживания.

София Фрадкина.

Крестьянин Матео Роглич говорит:

— В Аргентине я видел много животноводческих ферм, но наши хозяйства не так хорошо оборудованы, как ферма колхоза «Память Ильича». Особенно поразила меня механизация фермы. Хорошее впечатление сложилось и о полеводстве. Отлично здесь поставлено дело. Все учтено, вплоть до мелочей. Очень понравились закрытые парники колхоза.

Молодые аргентинцы выразили желание вновь съездить в какую-нибудь подмосковную деревню, побывать в совхозе, узнать, чем он отличается от колхоза, глубже и подробнее ознакомиться с жизнью советских крестьян.

Пожелаем им в этом всяческого успеха.

Матео Роглич.

На встрече молодых архитекторов Москвы с делегацией США.
Фото Дм. Бальтерманца.

Интервью «Огонька»

«МЫ НАПИСАЛИ ОБ ЭТОМ...»

«Огонек» обратился к группе иностранных журналистов, приехавших в Москву на фестиваль, с просьбой рассказать о самом интересном, переданном ими своим читателям.

Мы публикуем некоторые из полученных нами сообщений.

Гавриил ГРЫЗЛОВ

Газета «Смена», город Братислава. Чехословакия

Эта встреча произошла на Красной площади. Мы слушали бой курантов, смотрели на смену караула у Мавзолея, и вдруг подходит к нам мальчуган лет двенадцати. Предлагает обменяться значками. Держит в руке значок с изображением Ленина.

Одна из наших девушек протянула значок Чехословацкого союза молодежи, но в этот момент мальчик заметил на моей рубашке жетон «Пресса». Заметил — и как-то сразу насторожился, так что рука со значком на полдороге застыла.

Молчал мальчик секунд десять, и на его лице можно было прочесть: «Кто же вы такие?» А потом решился и спросил:

— А вы откуда?

— Мы из Чехословакии,— отвечаем.

Тут-то и произошло самое трогательное, самое большое, о чем я написал в свою газету.

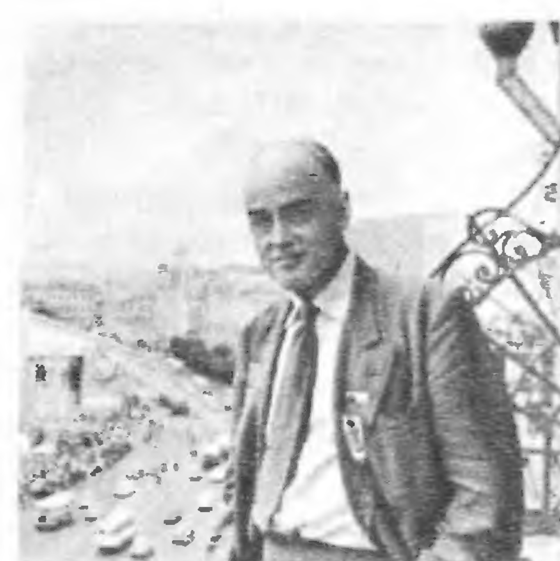
Лицо мальчика просияло, он улыбнулся, собственноручно приколол нашей девушке значок и сказал:

— А, из Чехословакии! Ну, тогда, значит, все хорошо, вам Ленина можно дать.

Расцеловали мы мальчика. За дружбу наших народов, за любовь взаимную, за верность вечную!

СЕЛДРИК БЕЛФРИДЖ

Газета «Нэшенл гардиан». США

Прежде чем ответить на ваш вопрос, должен откровенно сказать вам: о празднике молодежи хорошо напишет тот, кто сам молод. Мне нелегко успевать в этой мелькающей массе событий и лиц. Но у меня есть выход. По-моему, я получил самый лучший номер в гостинице «Националь» и могу писать о фестивале, даже не выходя из комнаты. Из моего окна открывается чудесный вид на заполненные молодежью Красную и Манежную площади.

Я и моя дочь (она член английской делегации) приехали в Москву накануне фестиваля ночью. Улицы были пустынны, впереди горели разноцветные огни. И вдруг моя дочь увидела... американские флаги. «Папа,— сказала она мне,— мы не ошиблись? Может быть, мы не туда попали?» Но мы попали именно туда, куда хотели. Я люблю Америку и с радостью вижу готовность юности Советского Союза сблизиться с юностью Америки. Я рад был видеть в торжественной демонстрации и делегации арабских стран и делегацию Израиля. Меня трогало, когда я видел многочисленные делегации из колониальных стран, и мне хотелось рассказать всем окружающим меня, как трудно было этим людям приехать сюда. И я рад, что всех их так тепло встречали москвичи.

Ну, а моя дочь — она просто поражена гостеприимством и радушием хозяев. Я объяснил ей, что тут дело не только в том, что мы гости русских, но и в том, что Советский Союз — социалистическая страна, где люди ведут себя естественно и свободно. А она заявила мне в ответ, что влюбилась во всех русских. Правда, как я заметил, из всех она все же предпочитает одного русского парня, с которым недавно познакомилась.

Вот об этих больших и маленьких мыслях и событиях прочтут читатели «Нэшенл гардиан» в моих репортажах.

ШТЕЙНЕР РОЛЬФ

Газета «Вохенцайтунг». Дюссельдорф. Федеративная Республика Германии

— Я никогда не был в Советском Союзе. И вот теперь я здесь. И я должен извиниться перед всеми советскими людьми за то, что плохо

Выход из затруднительного положения...
Рис. Л. и Ю. Черепановых.

думал о них раньше. Я, как немец, чувствую себя ответственным за те разрушения, которые были причинены Советскому Союзу войной. Поэтому меня очень тронуло, что советские люди столь великодушно, радостно встретили людей из страны, которая воевала против них. Меня уже вызывают к телефону. Я иду передавать обо всем этом в свою газету.

Е. КЛЮЧЕВСКАЯ, художница. Журнал «Фрайе вельт» (ГДР)

Одна из первых моих своеобразных корреспонденций — зарисовка с международного концерта молодых артистов Финляндии, СССР и Египта. Русские девушки — участницы северного хора — особенно интересовались костюмами египетских танцовщиц. Второй рисунок сделан в гостинице у книжного киоска. Эти юноши приехали с Берега Слоновой Кости.

«Летучие голландцы».
Рисунок М. Ушаца и К. Невлера.

КАРЛОС ШНЕК

Сельскохозяйственная газета «Наша земля». Аргентина

— Наша газета является независимой от политических партий. Мы стоим за единство крестьян и сельскохозяйственных рабочих Аргентины и поддерживаем все их требования, особенно в борьбе за сельскохозяйственную реформу. Мне полезно познакомиться с жизнью советских крестьян. Того, что я увидел сейчас, пока для меня мало. Хочется познакомиться подробнее, детальнее. Но я уже кое-что увидел, конечно, и узнал. Корреспонденции свои я буду строить по линии сравнений. Как? Пожалуйста. В Аргентине, например, молодому человеку очень трудно найти применение своим рукам, своим силам, а у вас крестьянской молодежи предоставлены все возможности — только работай. Я уже не говорю об образовании, медицинском обслуживании, спорте...

МАРИЗА БУЛГЕРОНИ

Журнал «Комунита» в Милане. Италия.

— Мой журнал не левый и не правый. Он занимает позицию, я бы сказала, центра. Это нам довольно легко делать, так как мы почти не занимаемся политикой. Мы пишем об искусстве. С точки зрения искусства, Московский фестиваль — это удивительно. Но я передам домой и несколько слов о политике. Я не дипломат и поэтому сужу о ней по выражению лиц людей. И вот я пришла к выводу, что люди у вас открытые, искренние, дружелюбные. Значит, и политика у вас такая. По правде говоря, наши итальянские газеты не очень-то часто пишут так. Поэтому для меня это ново и очень важно.

ДЁРДЬ СЕПЕШИ

Венгерское радио

— Час звучал в эфире наш репортаж о первом дне фестиваля. О чем рассказали мы? Обо всем и, конечно, о том, что больше всего взволновало нас и, я уверен, наших слушателей: о том, как Москва встречала делегацию Венгрии. Я бывал на всех фестивалях и олимпийских играх. И всякий раз, когда видел флаги моей родины, реющие рядом с флагами других стран, я не мог смотреть без волнения.

Но этот день! Никто из нас, венгров, буквально не мог сдержать слез, наблюдая, как Москва приветствовала нашу родину.

ПО СЛЕДУ ПЕСНИ

Галина **ШЕРГОВА**

Лосарито родители взяли с собой на фестиваль. Его отец Лосарио Пенья, вице-председатель Всемирной федерации профсоюзов, решил показать сыну Москву. И, может быть, после встречи на фестивале с Лосарито Пенья Лемарк напишет песню «Мой маленький друг с Кубы».

В такие дни песня — лучший гид. Она назовет страну в пестрой географии фестиваля и, ничего не скрывая, обнажит сердце любого народа. Пойдемте же вслед за песней.

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Ночь наконец утвердилась в городе. Шумный, звенящий вечер долго не пускал ночную тишину в столицу. И тогда на Сретенском бульваре мы услышали мелодию. Ее напевали две девушки, то и дело поправляя друг друга. Видно было, песня нова для них.

В дни фестиваля знакомства стремительны и просты. Мы познакомились. Их звали Шура Куренкова и Лида Марош. Обе москвички, но приехали в Москву как гости. Теперь они жители целины. А пели они египетскую песню, которой их только что научили. Правда, арабские слова были девушкам не под силу. Но не беда, мелодию они привезут к себе на Алтай, и там кто-нибудь напишет слова. Так им наказали.

Но почему именно египетскую? Это интересная история. Девушки рассказали ее.

Целинники прислали египтянам первую палатку, вставшую когда-то на безжизненной земле алтайских степей. «Пусть,— сказали они,— эта палатка станет упругой под ветром, дующим с Нила, и пусть она рассказывает египтянам о том, что молодым и смелым все по плечу».

Взамен алтайцы просили только песню, песню о счастье человека и о том, что, если веришь, — добьешься счастья.

«МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ ИЗ ПЕКИНА...»

Мы поздно включили телевизор и услышали, что какой-то французский певец-гитарист поет песни Монтана. Но выяснилось, что этот человек исполнял у себя на родине эти песни еще до Ива Монтана. Да, ведь первым песню поет автор, а француз с гитарой и был автором — поэтом и композитором Франсисом Лемарком. И, конечно, песня позвала нас познакомиться с ее творцом.

И вот он, Ф. Лемарк,— веселый маленький человек, спорый и быстрый в движениях. Вероятно, это от бывшей его профессии: он служил упаковщиком в магазине. Он работал искусно и стремительно. И пел. Как-то он сам сложил песню о мальчишке, ушедшем в город на заработки, которому душно в тесноте улиц без зеленой долины его родины. Через восемь дней весь Париж распевал эту песенку.

Он писал и пел о том, что волновало сердце Франции,— о солдате, которого гонят на войну, о тоске испанских республиканцев по родным оливам, о жизни улиц, где переговариваются молотки сапожников и шарманки уличных музыкантов.

И вот Ф. Лемарк попал в Китай. Это была первая социалистическая страна, с которой он встретился. И она поразила его тем, что, как давнему другу, не таясь, открыла французу тайны своей древности и надежды сегодняшнего дня. Там он сразу обрел друзей.

Если бы Лемарк был писателем, он написал бы книгу о мудрой и по-своему непостижимой стране.

Если бы он был художником, он написал бы картину, на которой ожила бы пекинская улица. Вот по ней идет маленький китайчонок, мимо утренних трамваев, звенящих рельсами, мимо продавцов овощей, жонглирующих всеми цветами плодов земли, мимо домов, охраняющих счастье их жителей. И этот мальчишка, который просто улыбнулся ему, Лемарку, открыл гостю свой город, а взамен принял привезенный издалека, полный дружбы взгляд француза.

Но Лемарк был поэтом и композитором, и оттого он написал песню. Француз так и назвал ее: «Мой маленький друг из Пекина...» О том, что мир прекрасен и мал — мал потому, что полон друзей. И неважно, что один предпочитает рис, а другой — хлеб, один — чай, другой — вино.

Мой пекинский друг!
В зыбкой уличной пыли
Шел ты, юркий и живой.
Ты открыл мне город свой
На краю земли,—

поет сейчас в Москве Франсис Лемарк, обращаясь к своим, уже давним друзьям из Пекина. А нигде на земле так не звучат слова о друге, как в фестивальной Москве.

ПЕСНЯ ПРОЛЕГАЕТ МЕЖДУ СТРАНАМИ

Больше всего песен слышишь у вокзалов. Фестиваль уже в разгаре, а гости все прибывают, и песни встречают их.

...Мальчики и девочки пели по-японски. Нет, они не были приезжими. Они живут в Краснопресненском районе Москвы. А в их Доме пионеров все поют песню, которая называется «Токио — Москва». И первый куплет маленькие москвичи поют по-японски.

В этот день в Москву приехал композитор Хироми Фудзимото, а с ним — участники движения «Поющие голоса Японии». Восемь лет назад их было двадцать. Сейчас — три миллиона. Потому что это не просто творческое содружество — это борцы за мир, а их становится больше с каждым днем. К песне стекались люди Японии. Их объединил антивоенный гимн «Не допустим атомного взрыва!». Вторая волна «песенных новобранцев» пришла на зов «Токио — Москва». Об этом содружестве городов и народов сложено было несколько песен. Лучшую написал композитор Хироми Фудзимото на слова токийского рабочего Хадзимэ Коюяси.

По трассе песни «Токио — Москва» пришли к нам японские гости.

И вот уже звенит на московских улицах:

Поющих голосов призыв
Соединяет две столицы.
По трассе Токио — Москва
Несутся песни, точно птицы.

Идите, друзья, на улицы. Слушайте, как токийским девушкам и юношам будут подпевать московские пионеры.

Токио — Москва.
Фото Риммы Лихач.

ПРЕБЫВАНИЕ КОРОЛЯ АФГАНИСТАНА МУХАММЕД ЗАХИР ШАХА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Знакомясь с Советским Союзом, Его Величество король Афганистана Мухаммед Захир шах и сопровождающие его лица посетили Ленинград, Минск и ряд других городов нашей страны. 30 июля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялся митинг, посвященный дружбе между Советским Союзом и Афганистаном. На встречу с представителями Афганистана собрались рабочие заводов, фабрик и новостроек, ученые, инженеры. Присутствовали главы дипломатических представительств, аккредитованные в СССР, министры СССР, депутаты Верховного Совета СССР, маршалы Советского Союза, генералы и офицеры Советской Армии.

Вечером 30 июля состоялось подписание Совместного коммюнике. С советской стороны коммюнике подписал Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, с афганской стороны — король Афганистана Мухаммед Захир шах.

На снимке вверху — после подписания Совместного коммюнике между Советским Союзом и Афганистаном.

Фото А. Гостева.

Король Афганистана Мухаммед Захир шах в Крыму, в пионерском лагере «Артек».

«Я ЭТО ПЕРЕЖИЛ»

В Коломбо на следующий день после открытия сессии Всемирного Совета Мира советские делегаты устроили дружеский ужин в честь представителей арабских стран. После нескольких приветствий поднялся молодой человек среднего роста с мужественным, энергичным лицом. Это был иорданский поэт Иссам Хаммад.

Иссам Хаммад.

— Я очень рад встрече с советскими друзьями и хотел бы прочесть им свои стихи,— сказал он.

Стихи были посвящены патриотам Вьетнама и назывались «Крепость Дьен Бьен Фу». Он читал взволнованным, чуть глуховатым голосом, иногда помогая себе скупым жестом. Последние строки стихотворения, прозвучавшие как призыв к борьбе, хором повторили все арабские делегаты.

...Месяц спустя мы снова встретились с Иссамом Хаммадом, на этот раз в Москве.

Когда мы попросили его рассказать о событиях в Иордании читателям журнала «Огонек», он охотно согласился, но тут же задумался.

— За время пребывания в Москве,— сказал он,— я убедился, что советские люди проявляют громадный интерес к арабским странам и хорошо знают о событиях в Иордании, о короле Хуссейне, о низкой роли американского посла Меллори в перевороте. В «Огоньке» было подробно рассказано о моей стране, и мне к этому трудно что-либо добавить. Я лучше вам расскажу то, что видел и пережил сам.

В три часа ночи меня разбудило радио. Передавалось сообщение о сформировании нового правительства и о введении осадного положения. Я выглянул в окно: по улице разъезжали вооруженные бедуины. Согласно закону об осадном положении, на улицу можно было выходить только в течение одного часа, с 4 до 5 часов пополудни. И все же, несмотря на все угрозы, 25 апреля по всей стране прошли многолюдные митинги и собрания в защиту демократических свобод. Участники митингов требовали отставки правительства, которое было только что сформировано. Среди министров этого кабинета нет ни одного человека, который не был бы известен как враг своего народа, как агент Англии, США или иностранных нефтяных компаний. Так, заместитель премьер-министра Семири Фай долгие годы был адвокатом американской нефтяной компании «Арамко». Министр Сулейман Тукан в течение 40 лет был платным английским агентом; народ так сильно его ненавидел, что до нынешнего переворота он не осмеливался выходить на улицу. И вот такие люди получили власть, стали хозяевами в стране!

Едва было сформировано это правительство, как сразу же, с 5 часов утра 25 апреля, начались массовые аресты. Всех, кто придерживался прогрессивных, демократических взглядов, объявляли коммунистами. За несколько дней было арестовано около 3 тысяч человек, в том числе ряд депутатов и министров. Был арестован и мой большой друг, член Всемирного Совета Мира Абдель Кадер Салех.

Военные суды по любому доносу приговаривали ни в чем не повинных людей к пяти, десяти, двадцати годам тюремного заключения. Один мой знакомый был арестован и осужден на 15 лет только за то, что на улице читал коммунистическую газету. Сразу переполнились тюрьмы и концентрационные лагеря, в отдаленных пустынных местах начали строить новые. В одном из самых мрачных лагерей, Джаффаре, где установлен особенно жестокий режим, находится среди узников мой друг доктор Абдул Хади, там же томятся депутат Воррад, доктор Разаз, несколько десятков офицеров и многие другие иорданские патриоты.

...В ночь на 25 апреля я распрощался с женой и двумя сыновьями и ушел из дома. Я переходил от одного друга к другому, и каждый предлагал мне кров. Я встретился с группой патриотов, которые также скрывались от ареста, и мы решили на время спрятаться в пещерах. Об этих пещерах ходили разные легенды, говорили, будто там живут великаны; во всяком случае, ночью к пещерам никто близко не подходил.

Однажды рано утром мы вышли подышать свежим воздухом, прилегли на землю отдохнуть и нечаянно заснули. Проснувшись, мы увидели пожилую женщину, которая внимательно разглядывала нас. Заметив наше беспокойство, она сказала: «Не бойтесь меня, я вижу, вы скрываетесь, я вас не выдам. Что вам принести? Я сейчас вернусь...» Через час она принесла нам хлеба, молока, сигарет. Этот маленький пример показывает, что простые люди нашей страны готовы повсюду оказать помощь патриотам. Их братское сочувствие помогает патриотам, ушедшим в подполье, вести тяжелую борьбу за свободу родины. В Иордании нелегально издаются листовки, брошюры, плакаты, на стенах домов все чаще появляются лозунги, призывающие к борьбе. В стране происходит объединение всех патриотических сил.

Несмотря на огромные трудности, в Иордании была проделана значительная работа по подготовке к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Большая группа юношей и девушек Иордании прибыла сюда, чтобы заявить о своей солидарности с борьбой всех народов за мир, за светлое будущее.

П. ШМЕЛЬКОВ

Розыгрыш первенства Советского Союза по волейболу. Состязание женской команды Центрального спортивного клуба Министерства обороны (красные майки) со спортсменками Таллина.

Соревнование восьмерок на Химкинском водохранилище под Москвой.

Матч на первенство Советского Союза по футболу между лидером чемпионата — московскими динамовцами и командой «Локомотив». Вратарь динамовцев В. Беляев берет высокий мяч.

Неоднократная чемпионка СССР по гимнастике Софья Муратова выполняет упражнения на брусьях.

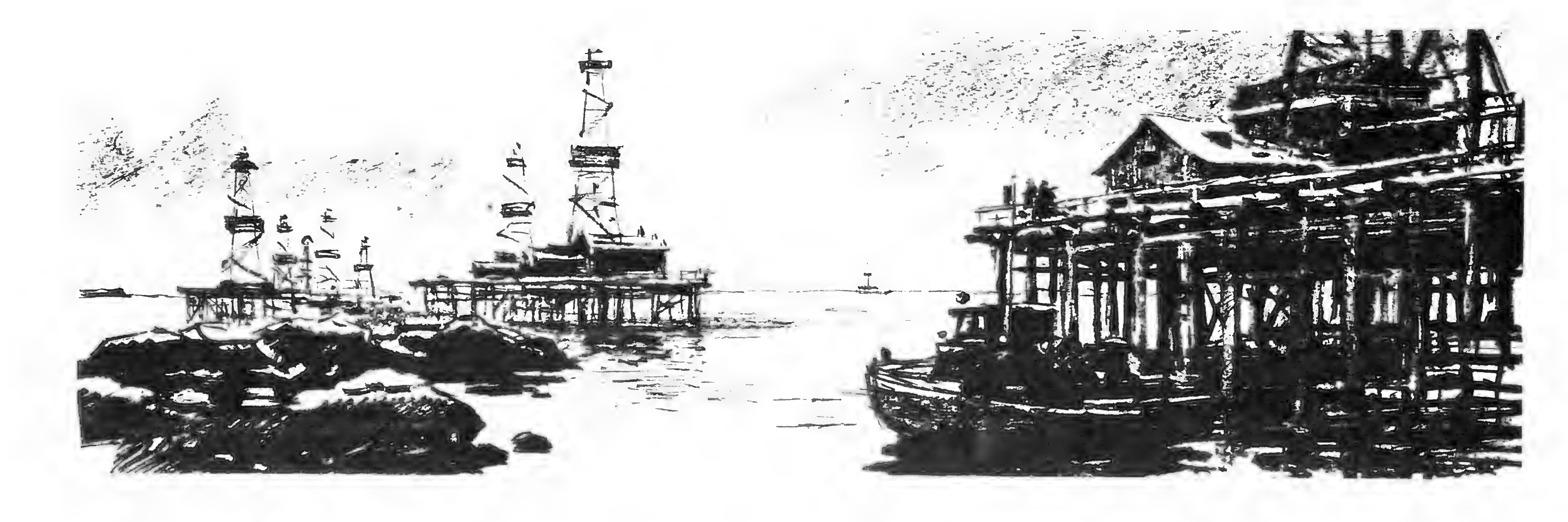
Финиш бега на 100 метров на стадионе «Динамо».

Отборочные соревнования боксеров. На ринге — москвич В. Писклов (справа) и ленинградец Г. Какошкин.
←

Баскетбольная команда Ленинградского электротехнического института прорвалась в опасную зону команды «Калев» (Тарту) в матче Всесоюзного чемпионата.

Фото А. БОЧИНИНА.

ЗУЛЕЙХА

Мирза ИБРАГИМОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Печатаемая глава взята из романа «Маяк», над которым я продолжаю работать в настоящее время. В романе описываются жизнь и трудовые подвиги славных моих соотечественников — нефтяников Азербайджана. Я стремлюсь создать образы людей, которых очень люблю, показать их душевную красоту, неиссякаемую моральную силу и стойкость в борьбе против отсталости и косности.

Автор

1

Если к имени прибавляется слово «уста» (мастер), мы обычно представляем себе старика. Мы говорим уста-Рамазан, уста-Салман, уста-Мамед, и эти люди обязательно кажутся нам седобородыми, изборожденными морщинами...

Уста-Сафар составлял исключение из этого правила: ему всего-навсего лет двадцать семь — двадцать восемь, отличается он высоким ростом, широкими плечами, крупным телосложением. Но его внушительный вид заставлял окружающих обращаться с ним, как с более солидным по возрасту человеком. Многие, встречая его впервые, даже терялись под его пытливым и острым взглядом. Точно такое же впечатление производил уста-Сафар и на женщин. Несмотря на это, он считал себя очень неудачливым в личной жизни и, заметим, имел на это полное основание: он был женат дважды. Его первая жена, студентка-медичка, увлеклась каким-то полковником и, оставив годовалого сына, укатила в Нахичевань.

Спустя год по совету друзей и сердобольных родственников мастер взял себе в жены двадцатилетнюю девушку из ближайшей к Баку деревни.

«Недаром говорится в народе,— думал мастер,— птицу надо брать из гнезда, а невесту — из семьи! Может, сельская девушка окажется более верной и надежной!»

Однако деревенская девушка проявила еще большую прыть, чем студентка-медичка: не прошло и года, как она сбежала от мужа с районным агрономом. По возвращении с работы мастер нашел на столе коротенькую записку: «Не сердись... Характерами не сошлись!»

Одни друзья обвиняли мастера в грубости, другие, наоборот, объясняли супружеские неудачи уста-Сафара его чрезмерной мягкостью, неумением «приструнить» жену. И все подкрепляли свое мнение народной поговоркой: «Жену сохраняет муж, а сыр — кожаный мешок...»

Мастер молча переживал свое горе. Ему казалось, что с обеими женами он обращался по-человечески, от души их любил и старался заслужить их любовь. Теперь он решил до самой смерти не помышлять ни о каком браке, привел к себе в дом одинокую старую женщину, которой поручил маленького сына и домашнее хозяйство, а сам весь отдался работе. Вся квартира его была полна детскими игрушками и раскрашенными книжками да еще различными вещами, имевшими отношение к бурению скважин.

Сдав за пятнадцать дней до срока нефтяную скважину, которую он бурил в море, уста-Сафар начал уже вторую и за неделю успел пробурить больше восьмисот метров. Дело шло успешно, за все это время не случилось ничего такого, что бы могло задержать работу, не было ни штормов, ни гроз. Благодаря хорошей погоде связь между буровой и берегом ни на миг не нарушалась, катера шли строго по графику.

Воспользовавшись этим, уста-Сафар с очередной вахтой приехал в город, чтобы заранее получить и свезти на буровую необходимое оборудование. Он хорошо знал, что доверять Каспию нельзя: может разразиться неожиданный шторм.

Буровая № 507, которую бурил уста-Сафар, была расположена далеко от берега, в открытом море. В дни, когда бушевал шторм, прерывалась связь не только с Большой землей, но даже с Нефтяными Камнями. Это обстоятельство требовало от мастера постоянной бдительности... В штормовые дни почти все решалось сплоченностью бригады, ее стойкостью, смелостью, выносливостью людей. Насчет своей бригады уста-Сафар был вполне спокоен: она состояла из здоровых, самоотверженных молодых рабочих.

Мастер был уверен, что и новую буровую он закончит успешно и сдаст до срока. Об этом он сказал директору конторы бурения, получил наряд на необходимые для бурения гематит, известь, каустическую соду, бурильные трубы и другое оборудование. Решив наутро снова отправиться в контору, чтобы лично проверить, отпущены ли выписанные предметы и доставлены ли они на пристань, уста-Сафар пошел к себе домой. Бурильщику Ахмедову он поручил послезавтра рано утром собрать на пристани всех членов вахты.

Уста-Сафар, пообедав, прилег было немного отдохнуть, когда вдруг раздался звонок. Открывать дверь пошла домработница. Мастер недовольно поморщился. Он решил в этот вечер подзаняться: в кружке политучебы уста-Сафар был самым отстающим. Недавно парторг Рахман Ахмедов даже сделал ему замечание:

— Не забывайте, мастер: повышение политических знаний является обязанностью коммуниста! Члены кружка заканчивают уже раздел революции пятого года, а вы застряли на девятнадцатом веке, погрязнув, можно сказать, в болоте феодализма. Нехорошо!

Уста-Сафар тогда ничего не ответил, но, обругав себя в душе, твердо решил больше не давать повода для таких упреков.

Вот почему он решил сегодня ни к кому из приятелей не выходить, хотя бы пришел сам Гулам-Гусейн, с которым он так любил беседовать, или Мамедали, который считался лучшим игроком в нарды. Но голос, донесшийся из передней, заставил его насторожиться:

— Сестрица, мастер дома?

Женщина не успела ответить. Мастер быстро поднялся, вышел в переднюю и столкнулся лицом к лицу с Рахманом Ахмедовым.

— Добро пожаловать, Ахмедов! — приветствовал он парторга.— Заходи! Какими судьбами?..

Из уста-Сафара можно было бы выкроить полтора Ахмедова. Тем не менее гость занял добрую половину передней, потому что если исключить таких, как уста-Сафар, то по сравнению с другими людьми парторг выглядел довольно солидно. Это был крепкого сложения человек, за широкими плечами которого хозяин не заметил второго посетителя...

— Какими судьбами, Ахмедов? — повторил свой вопрос уста-Сафар, которого несколько озадачило молчание парторга.

Ахмедов, как всегда, был нетороплив. Круглое, широкое лицо его было спокойно.

Медлительность и невозмутимость Ахмедова вошли в поговорку. Он не любил необдуманных поступков, соблюдал во всем порядок и дисциплину. Даже в личной жизни он неизменно выполнял выработанные им самим нормы поведения. Например, ни к кому и никогда он не ходил без предупреждения. Поэтому неожиданное его появление у уста-Сафара должно было иметь очень серьезную причину.

— Какими судьбами, Ахмедов? — в третий раз спросил мастер, начиная терять терпение.— Что хорошего?

— Хорошего мало...— спокойно ответил Ахмедов.

— Что случилось? Раздевайся, входи в комнату...

Лишь теперь, когда Ахмедов повернулся боком и, снимая пальто, поднял руку, мастер заметил за его широкой спиной Зулейху.

— Эх ты, мусульманин! — пошутил он, отстраняя Ахмедова и протягивая руку Зулейхе.— Никакого уважения к женскому полу! Добро пожаловать, милая девушка! — ласково продолжал уста-Сафар.— Очень рад!

Мастер с Зулейхой знаком не был, но встречал ее почти на всех самодеятельных концертах, которые давались во Дворце культуры. На этих концертах Зулейха отлично исполняла азербайджанские, русские, украинские танцы, и зрители долго и шумно аплодировали ей. Нефтяники добродушно называли ее не иначе, как «наша балерина». Из разговоров о «нашей балерине» уста-Сафар знал, что у Зулейхи нет родителей, а живет она в доме своей свекрови.

Когда уста-Сафар потянулся, чтобы взять пальто у девушки, на ее смуглом лице выступил легкий румянец, и она улыбнулась, стараясь скрыть смущение.

— Нет, нет, не беспокойтесь! — прошептала она.— Я сама.

Она легко сняла пальто и, повесив его на вешалку, быстрым движением отвела упавшую на лоб прядь черных волос. Охваченный каким-то приятным чувством, мастер пропустил гостей вперед.

Войдя в комнату, Ахмедов и Зулейха остановились в ожидании хозяина, который отстал от них, отдавая распоряжения о чае. Мастер усадил своих гостей вокруг круглого столика и обратился к Ахмедову:

— Ну, рассказывай, Ахмедов! — сказал он с улыбкой.— А то ты пугаешь меня своим молчанием, честное слово...

— Ничего страшного нет,— очень спокойно ответил Ахмедов.— Но и ничего хорошего в моем сообщении тоже не будет... Неожиданно заболел бурильщик Алиев.

Лицо хозяина помрачнело.

— Что с ним? Он же богатырь!

— Пока не выяснили. С вечера появились сильные колики. Его отправили в больницу...

— Хоть бы опасного ничего не было! — встревоженно сказал мастер и, помедлив, добавил: — Надо будет найти ему замену. И завтра же... Я сейчас позвоню в контору...

Он встал и, подойдя к висевшему на стене телефону, снял трубку. Зулейха заерзала вдруг на месте и подняла на Ахмедова растерянные глаза. Тот с непривычной для него поспешностью подбежал к мастеру и положил руку на рычаг телефона.

— Не надо, мастер. Дело в том, что замену я уже нашел...

Уста-Сафар всплеснул руками:

— Ну и странный же ты человек! Сам учишь меня политграмоте, и сам же тянешь, когда можно сразу сказать, что есть на душе. Кого это ты нашел?

— Не торопись. Сейчас скажу.— И Ахмедов указал на Зулейху: — Вот ее...

Мастер выпучил глаза на Зулейху, словно впервые ее увидел. Вдруг он усмехнулся, лицо его посветлело, озаренное иронией и насмешкой.

— Вот это здорово! — тихо сказал он.

Ахмедов сделал вид, что пропустил эту фразу мимо ушей.

— Значит, утром сказать в конторе, чтобы подписали приказ? — деловито проговорил он.

Это предложение Ахмедова привело мастера в замешательство, но он быстро овладел собой.

— Брось шутить, Ахмедов,— сказал он глухо.— Говори правду, кого ты имеешь в виду?

Парторг рассердился. Он не любил шуток, и эту его черту хорошо знал уста-Сафар.

— Я не шучу! Я серьезно предлагаю...

— От таких серьезных предложений не жди добра...

Уста-Сафар старался не смотреть на Зулейху и говорил, не отрывая глаз от Ахмедова. А Зулейха ловила каждое его движение, замечала малейшие перемены на его лице.

«Горячий человек! — почти со страхом думала Зулейха и тут же решила про себя: — Ни за что не согласится!»

И она с трепетом ждала, чем же кончится этот спор.

— Пора выдвинуть помощника бурильщика на место бурильщика,— спокойным тоном объяснял Ахмедов,— верхового на место помощника, а рабочего на место верхового. В таком случае будет место и для товарища Зулейхи.

— Прошу тебя, брось шутки! — снова рассмеялся уста-Сафар.

Зулейха сидела вся красная, и казалось, вот-вот расплачется.

Ахмедов начинал раскаиваться в том, что привел ее с собой. Но отступать было поздно, и он продолжал стоять на своем:

— Да какие там шутки! Серьезно говорю...

Уста-Сафар бросил взгляд на тонкую талию и нежные руки Зулейхи и представил себе одинокую вышку, затерянную в бурных волнах Каспия, вдали от берега... Лицо его стало серьезным.

«Тяжелая работа на морской буровой — и эта изящная, худенькая девушка...» — подумал он и заговорил тихо, словно продолжая думать вслух:

— Странная вещь — жизнь!.. До сих пор мне казалось, что больше ничему удивляться не буду: немало перевидал на своем веку. А смотришь, такое случается, что руками разводишь!

Ахмедов, воспользовавшись отвлеченно-философским рассуждением собеседника, продолжал тем же самым тоном:

— Что поделаешь, мастер, вся красота жизни в том и заключается, чтобы видеть необычное. Кажется, есть даже поговорка такая: оглохнет ухо, которое каждый день не услышит нового слова, и ослепнет глаз, который не увидит чего-нибудь нового.

— Это так, но...— протянул мастер, не спеша открыть смысл своего «но», хотя Ахмедов и Зулейха, не отрывая от него глаз, ожидали продолжения.

— Что же «но»? — не выдержал наконец Ахмедов.

Наступило тяжелое молчание. Уста-Сафар исподтишка покосился на Зулейху, оглядел ее изящные ноги в прозрачных чулках, тонкие длинные руки, нервно теребившие шелковый платок. Ахмедов заметил внимательный взгляд мастера, заметил и недоверие и насмешку, промелькнувшие в нем.

— Не подумайте, что я сторонник старого! — начал мастер издалека.— Нет. Но я за такое новое, от которого польза может быть! Если мы будем гоняться за любыми новшествами, ничего хорошего не получится. В народе говорится: «Не каждого, кто кричит «детка, детка», надо считать отцом!»

Тут отворилась дверь, и вошла домработница с небольшим круглым подносом. Она подала чай, затем принесла шакарбуру [1]. Мастер пододвинул тарелку с шакарбурой к Зулейхе.

— Берите, Зулейха-ханум, это замечательная шакарбура. Сам готовил. Попробуйте и скажите ваше мнение. И ты бери, Ахмедов, вот эту, эту, румяную!

Зулейха молча положила шакарбуру к себе на блюдце. Было ясно, что сейчас ей совсем не до чая и шакарбуры. Она вдруг сказала дрожащим от волнения голосом:

— Поймите, мастер, я хочу работать!..

Это ее вступление в разговор как бы дало лишний козырь уста-Сафару и помогло ему высказаться со всей откровенностью:

— Я же не возражаю, дочка,— сказал он ласково, но решительно.— Работай, если тебе хочется, но найди для себя подходящую работу. Буровая не место для девушки, бурение не женское дело. Вообще, я думаю, что на некоторые участки не надо допускать женщин. Сама природа, как говорится, ставит перед ними совсем другие задачи...

— Вы не уважаете женщин! — прервала мастера Зулейха, бледнея.

Мастер нахмурился. Ответил он сдержанно:

— Напрасно ты так... Могу только сказать, когда я вижу женщину, таскающую груз, у меня болит сердце. То же и с бурением... С четырнадцати лет я работаю на буровой, и, повторяю, это не женское дело... Найди себе более подходящую работу!..

[1] Шакарбура — национальное блюдо из сладкого теста и орехов.

Слова уста-Сафара повергли Зулейху в смятение. Мастер казался ей теперь чрезвычайно отсталым человеком с отжившими взглядами. Ей показалось даже, что теперь она понимает, почему его бросили обе жены: «С таким человеком и часа прожить нельзя...» И она сказала с вызовом:

— Что делать, мастер, не ваша бригада, так другая. Мало ли морских бригад, уж в какой-нибудь из них и мне место найдется...

— Это верно,— поддержал ее Ахмедов,— но я хотел, чтобы ты в нашей работала...

Лицо уста-Сафара было сурово. Было заметно, что он начинает раздражаться. Тем не менее он сдерживал себя, стараясь не нарушить внешнего спокойствия.

— Я не сомневаюсь, что место найдется,— проговорил он, сохраняя хладнокровие.— А такие, как Ахмедов, даже напечатают вашу карточку в газете. Но я все-таки считаю, что человек, по-настоящему уважающий женщину, не пустит вас на буровую.

— Я представляла вас себе совсем другим,— сказала Зулейха, бросив на него сердитый взгляд.— Очень жалею, что ошиблась...

Голос ее звучал решительно, лицо выражало готовность к борьбе.

Тверд и непреклонен был в своем мнении и мастер.

— Я вам сочувствую, но ничем помочь не могу! — спокойно ответил он.

2

Катер, поддерживавший связь между морскими буровыми и берегом, готовился к отплытию. Молодые рабочие в брезентовых плащах, в высоких сапогах и шапках-ушанках грузили на катер мешки, черные ящики с ручками, куски железа и прочее оборудование для буровой.

Уста-Сафар следил за работой бегавших с катера на берег и обратно рабочих, порой делая кому-нибудь из них указание, куда и как поставить оборудование, и одновременно не пропускал мимо ушей их шутки и прибаутки. Но при внимательном взгляде можно было заметить на его лице следы озабоченности и недовольства.

Один Ахмедов чувствовал недовольство мастера, даже не глядя на него, и знал, в чем дело. Об этом ни Ахмедов, ни мастер не говорили ни слова, но парторг во время погрузки не отрывал беспокойных глаз от берега, кого-то ожидая. В свою очередь, мастер отлично понимал Ахмедова...

А дело было в том, что вчера директор конторы бурения звонил к уста-Сафару и, отводя то в шутку, то всерьез все возражения мастера, поручил ему включить Зулейху в свою бригаду. Как ни сопротивлялся мастер, ему не удалось настоять на своем. Пришлось смириться. И вот теперь он невольно радовался, надеясь, что Зулейха так и не явится до отхода катера и даст ему повод без излишних пререканий с конторой отчислить ее из бригады. Вначале он старательно скрывал эту таившуюся в глубине души надежду, но когда наступила последняя минута перед отплытием, он не выдержал.

— Ну, что! — сказал он, окинув Ахмедова насмешливым взглядом.— Не пришла наша балерина?

Молодые рабочие, уже слышавшие, что в их бригаду назначена молодая девушка, многозначительно переглянулись, на их лицах промелькнули едва заметные улыбки.

— Да, товарищ Керимова опаздывает,— сухо сказал Ахмедов, не меняя серьезного выражения лица и нарочно называя Зулейху по фамилии.

Когда мостик совершенно опустел и рабочие поднялись на катер, уста-Сафар последний раз огляделся, как бы проверяя, не забыли ли чего-нибудь. Убедившись в том, что ничего не забыто, мастер направился по мостику на катер и вдруг услышал веселые крики молодых рабочих:

— Идет, идет!.. Идет товарищ Зулейха!..

Повернувшись, уста-Сафар увидел запыхавшуюся Зулейху, бежавшую к катеру, и невольно нахмурился. Лицо его потемнело.

— Здравствуйте, мастер! — с трудом выговорила Зулейха, задыхаясь от бега, и посмотрела на толпившихся на катере рабочих, словно ожидая их поддержки.

Она увидела стоявшего с краю Ахмедова, заметно взволнованного, следившего за нею; и ей показалось, что это — добрый и надежный друг. Сердце ее наполнилось теплым чувством благодарности к этому человеку. Мастер заметил, как изменилось лицо девушки, и еще больше рассердился. Не отвечая на приветствие, он сурово оглядел ее и грубовато сказал:

— Еще две минуты, и мы бы отчалили... Почему опоздали?

— Проспала, мастер! — чистосердечно призналась Зулейха.

На катере раздался веселый смех.

— Привыкла вставать в десять...— сказал кто-то.— Что ей делать, бедняжке?..

Искреннее признание Зулейхи, произнесенное к тому же с чисто детской наивностью, обезоружило мастера. Он сердито оглянулся на сразу притихших рабочих и кивнул Зулейхе:

— Чтобы это было в первый и последний раз!

Тон, которым это было произнесено, сильно задел девушку. Краска сбежала с ее лица, и она виновато посмотрела на мастера черными блестящими глазами. Потом отвернулась, чтобы скрыть от мастера слезы, и легко взбежала по трапу.

Города уже не было видно.

Море лежало серое и мутное, словно к его водам был примешан глинистый раствор. Позади остался остров Наргин. Зулейха, вся отдавшись своим мыслям, оглядывала бесконечное водное пространство, тянувшееся до самого горизонта.

И вдруг она услышала грустную песню. Кто-то тихо пел, нарушая утреннюю тишину, заставляя трепетать нависший над морем серый туман. Песня была исполнена такой мечтательной грусти, что Зулейха невольно отдалась ее очарованию, словно слышала в ней что-то свое, родное.

Я влюблен в прекрасный мир.
И стрелу метнул я в мир.
Осторожней будь с любимой —
Только раз живет кумир!..

Певец пел не спеша, то возвышая голос, то доводя его до вкрадчивого шепота, но внятно и выразительно произнося каждое слово.

Он словно рассказывал кому-то о своей тоске, о мечтах, беспокоящих воображение. И вложенное в песню искреннее чувство придавало словам песни еще больше смысла, вызывая в слушателях ответное чувство.

Я влюблен... На солнце я.
Ты в тени,— на солнце я.
Жертвы день — один в году.
Вечно жертва — жизнь моя.

Зулейха знала много песен, была очень чутка к музыке, но не очень любила отрывистую шикясту — азербайджанскую народную мелодию, которая всегда навевала на нее какую-то непонятную грусть. Сейчас же, слушая эту песню, Зулейха находила в ее мелодии нечто новое, такое, чего она раньше не замечала в шикясте.

Кто же это так поет? Зулейха обвела взором молодых рабочих, сидевших на длинной скамье, тесно прижавшись друг к другу. Она поразилась: пел Ахмедов. Как же она ошиблась в этом человеке, считая его холодно-беспристрастным, неизменно спокойным! Ахмедов сидел с просветленным лицом, на котором блуждала добрая улыбка, и смотрел на Зулейху. И она поняла, что эти глаза давно уже смотрят на нее, и ей стало радостно.

Поймав удивленный взгляд Зулейхи, Ахмедов тотчас же умолк, прервав уже начатый новый куплет. Все недовольно нахмурились, даже уста-Сафар, который хоть и сердился на певца, но слушал его с явным удовольствием.

Тихо шумело море. Катер, подрагивая, шел к буровой.

Люди, облокотившись на железные поручни, любовались выстроенным в середине моря городком, к которому они приближались. Катер замедлил ход, и Зулейха, оглядевшись, сразу поняла, в чем дело: в районе Нефтяных Камней на площади в несколько квадратных километров море становилось вдруг мелким, из воды высовывались острые вершины подводных скал.

Катер осторожно шел мимо продолговатой скалы. Ветра не было, но Зулейха заметила, как пенится и бьется вода под скалой. Девушка с удивлением смотрела на кипевшее море. Рядом с ней в задумчивости стоял Ахмедов. Зулейха повернулась к нему, но в этот момент из капитанской будки вышел уста-Сафар, и Зулейха обратилась к мастеру:

— Смотрите, смотрите, в море течет река!

Уста-Сафар, по-видимому чем-то озабоченный, прошел мимо, ничего не ответив. Ахмедов, улыбнувшись, сказал:

— Эта река — нефтяной фонтан, он выбрасывает со дна моря ежедневно сотню тонн нефти! Смотрите, поверхность воды блестит и отдает желтым!

Зулейхе стало жаль нефти, которая мощным потоком растекалась по морю.

— Неужели нельзя остановить, поймать эту реку?

— Когда щель не очень большая, можно. Ее заделывают цементом и не дают нефти зря пропадать в море. Несколько таких фонтанов здесь уже закрыли. Но бывает, трещина тянется на сотни метров, тогда уж цементом ее не зальешь...

— Ну, хоть бы собирали эту нефть!..

Ахмедов не успел ответить.

...Катер прижался к железным сваям вышки, и, начиная с этой минуты, словно заработала какая-то машина, которая вертелась без остановки. Члены бригады — Ахмедов, Жигалкин, Нариман, даже сам мастер принялись за переноску оборудования с катера на буровую. К ним присоединилась и Зулейха. Когда разгрузка катера была окончена и Ахмедов стоял у тормоза, к Зулейхе подошел светловолосый бурильщик Жигалкин.

— Теперь станьте возле меня и следите за моей работой,— сказал он.— Пока вашу работу буду делать я.

— Я знаю обязанности рабочего-бурильщика, по книге изучала. И Ахмедов рассказывал,— ответила Зулейха и направилась было к ротору, установленному в самом центре вышки, но Жигалкин остановил ее.

— Изучать по учебнику и по чужим рассказам мало, надо иметь опыт! Станьте здесь и смотрите!

Зулейха подчинилась. Жигалкин в нескольких словах рассказал ей о бурильном станке и об инструментах. Слушая его, Зулейха вспоминала прочитанное в учебнике и поддакивала Жигалкину, искоса поглядывая то на Ахмедова, то на уста-Сафара. Мастер вместе с освободившимся от вахты бурильщиком пошел к выстроенной у самого края вышки культбудке. Ахмедов стал у бурильного станка и, напялив на руки неуклюжие брезентовые рукавицы, взялся за тормоз.

— Не озирайтесь вокруг! — недовольно сказал Жигалкин.— Запомните: в бурильном деле нет ничего маловажного. Отвлечешься на мгновение, и можешь расстроить всю работу! — поучал Жигалкин.— Итак, начнем! — добавил он, подходя к ротору.

Казалось, вся буровая вдруг пришла в движение и наполнилась грохотом. Сердце Зулейхи замерло от страха. Но как все-таки это интересно!

Как ни старалась Зулейха поскорее научиться работать самостоятельно, уста-Сафар продолжал хмуриться. Он был уверен, что обязанности Зулейхи придется выполнять другим, что при таких условиях возможны аварии, даже упадок дисциплины в бригаде, которая состояла из молодых рабочих. Мастер никак не мог понять, ради чего она настойчиво тянется к делу, которое ей никак не подходит. Будь она некрасива или имей она неуживчивый характер, ни у кого при взгляде на нее не загорались бы глаза...

Увы, это было не так! Любой из ребят — даже самый смирный, взглянув на Зулейху, непременно хотел еще раз посмотреть на нее. Потому что Зулейха действительно была очаровательна; ее смуглое лицо, ее блестящие темные глаза невольно влекли к себе. Она была добра и проста с окружающими, относилась ко всем по-товарищески.

Как убережешь такую красавицу от молодых рабочих, каждый из которых выглядел орлом?! Как запретишь им задерживаться возле нее? Зулейха — мастер знал это — была замужем... Шутка ли? Случись что-нибудь, обязательно потянут его в райком, на активе вопрос поставят, в газете пропишут, позором покроют.

Обуреваемый всеми этими страхами, уста-Сафар старался не упускать Зулейху из виду.

Солнце зашло. Небо и море скрылись в густом мраке. Кроме мерцающих вдали желтоватых огней соседних буровых, ничего вокруг не было видно. Откуда-то появившиеся еще с вечера тучи заволокли все небо.

— Как темно! — проговорила Зулейха, стоявшая возле рабочего, который разводил глинистый раствор.— И тишина какая...

— Луны нет,— ответил Ахмедов.— Вот если бы не было туч и поднялась бы луна... Замечательное тогда море! Только стой и любуйся...

— Идите-ка сюда! — послышался голос мастера.— Надо менять долото...

Зулейха побежала в буровую. Надев брезентовые рукавицы, она стояла у ротора. У тормоза стоял Жигалкин. Ахмедов пошел проверять насосы и желоба для раствора. Все время, пока доставали свечи, Зулейха чувствовала на себе неотступный взгляд уста-Сафара и работала быстро, со сноровкой. Достали уже до сорока свечей. В эти минуты у Зулейхи было одно-единственное желание: угодить мастеру, понравиться ему. Но тот молча пошел к насосам, где стоял Ахмедов.

Все члены бригады были заняты. Казалось, биение их сердца едино. Сознание этого слаженного единства еще более окрыляло их. Кранблок часто поднимался и спускался, элеватор открывался и закрывался, свечи выходили из скважины и тут же ложились рядышком. Зулейха работала сейчас с полным самозабвением.

Было далеко за полночь. Небо покрылось сплошной массой густых облаков. Ни одного луча света на безбрежном пространстве моря, в бесконечных просторах неба. Вдруг стало так тихо, что даже мелкие волны вокруг свай, на которых держалась площадка буровой, перестали двигаться. И эта непроницаемая темнота и эта наступившая вдруг тишина не понравились уста-Сафару.

Что-то бурча себе под нос, он подошел к самому краю площадки, облокотился на ступеньку, что вела на верх буровой, стал вглядываться в ночной мрак.

— Поди сюда,— позвал он Ахмедова.— Стань у тормоза, пусть Жигалкин немного отдохнет. Мне эта тишина совсем не нравится.

Бакинская погода, как и сами бакинцы, не отличается постоянством. Смотришь, тишь да гладь, листок не шелохнется, а тут вдруг такой ураган поднимется, что ахнешь! Это могло случиться и сейчас.

— Будем работать, отдыхая по очереди...— сказал мастер.

Ахмедов стал у тормоза, на место Жигалкина. Предложение мастера было ему по душе: он теперь стоял рядом с Зулейхой. И девушка обрадовалась: ведь ей не приходилось наблюдать Ахмедова за работой.

— Молодчина, Зулейха,— с необычным для него оживлением сказал Ахмедов,— неплохо работаешь!

Зулейха промолчала.

— Если так пойдет и дальше, — продолжал Ахмедов,— мы пробурим скважину на двадцать пять дней раньше срока. А если она покажет еще и хороший дебит, то будет совсем здорово!

Радостная уверенность Ахмедова в успехе укрепилась, когда доставали последнюю свечу.

«Если бы ты всегда оставался таким!..» — подумала Зулейха, глядя на него.

— Закрой элеватор!.. Закрой! — раздались неожиданные крики. Кричали все: и верховой, и уста-Сафар, стоявший в стороне, и Ахмедов, работавший у тормоза. Не понимая, что случилось, Зулейха невольно подняла голову и только через минуту заметила, как трубы с огромной быстротой скрываются в скважине. Она растерялась.

Уста-Сафар бросился вперед и, толкнув элеватор, зацепил за свечу и закрепил его. С оглушительным грохотом муфта свечи ударилась об элеватор и застыла на месте. Серьезная авария — падение труб на глубину в две с половиной тысячи метров — была предотвращена.

— Элеватор не был закрыт как следует! — хриплым от волнения голосом проговорил уста-Сафар, глядя мимо Зулейхи.— Надо быть внимательной! Здесь не бульвар, нельзя озираться по сторонам...

Побледневшая Зулейха подавленно молчала.

К мастеру подошел Жигалкин и предложил проверить элеватор: может быть, стерты зубья и потому плохо держит. Мастер возразил:

— Элеватор получен всего месяц тому назад. С чего ему так быстро стереться? А ты лучше иди спать... Проверку надо было произвести в свое время...

Жигалкин не сдавался.

— Проверить инструмент никогда не поздно! — внушительно сказал он и, сделав знак Ахмедову остановить станок, отодвинул освобожденный от свечи элеватор в сторону:

— Вот поглядите!

Зулейха посмотрела на стертые зубья элеватора. Об этом ей нигде не приходилось читать.

— Значит, вот в чем причина аварии,— пробормотала она.

— А ты как думала? — с резкостью, за которой скрывалось смущение, ответил уста-Сафар.— Бурильщик обязан вовремя проверять инструмент!

Сменили элеватор. Успевшая уже прийти в

себя Зулейха не обратила внимания на резкость мастера. Она была благодарна Жигалкину: так или иначе, мастер убедился, что причиной происшествия была не ее рассеянность.

* * *

Глубокой ночью из скважины было извлечено долото, с которого струилась мутная водичка. Оттянув его в сторону, уста-Сафар и Ахмедов оглядывали зубья, стараясь определить, насколько они стерты.

Воспользовавшись этим вынужденным перерывом, Зулейха взяла шланг и принялась смывать грязь вокруг ротора. Эту любовь к чистоте Зулейха унаследовала от своей покойной матери. Так было и дома, так будет и здесь, на буровой: ведь противно, когда вокруг грязь и мусор.

Вдруг Зулейха оступилась, потеряла равновесие и, чтобы не упасть, оперлась рукой на край ротора. При этом она нечаянно задела элеватор, и тот с грохотом полетел в скважину.

— Ах, что я наделала, что я наделала!..

К ней подбежали мастер и Ахмедов. Узнав, в чем дело, уста-Сафар потемнел и устремил тяжелый взгляд на Зулейху, которая стояла, не шевелясь. Во взгляде мастера она видела такой гнев — уж лучше выслушать самые тяжелые слова, самые резкие укоры! Она стояла, не отрывая глаз от уста-Сафара, не опуская головы.

Возле них суетился растерявшийся больше всех Ахмедов, с досадой все повторявший одно и то же:

— Что ты наделала, что ты наделала!..

Зулейха не смотрела на него, не слышала его слов. Она вдруг почувствовала, что он как бы отделяется от нее, теряет все свое обаяние... Зулейхе хотелось крикнуть Ахмедову:

— Да замолчите же вы наконец!..

Но ее удерживало присутствие грозного мастера. Однако против всякого ожидания уста-Сафар произнес с удивительным спокойствием:

— Нарушена технологическая дисциплина. Наши деды говорили: осторожность украшает игида[1]. В нашем же деле требуется быть трижды осторожным!

Зулейха была уверена, что мастер снимет ее с работы. И вот... он даже слова ей не сказал, голоса не повысил.

— Ну, чего встали? — сказал вдруг уста-Сафар, обращаясь ко всей бригаде.— Давайте ловильный инструмент. Надо доставать элеватор. Ждать нельзя. Всякая беда может случиться.

Только теперь поняла Зулейха всю серьезность происшедшей по ее вине аварии. Тяжелым комом к горлу подступило горестное раскаяние. Не выдержав, она обеими руками закрыла лицо, шатаясь, отошла и опустилась на табуретку у стены. На одно мгновение она словно забылась... Далеко отошли люди и их голоса...

— Товарищ Зулейха, вставайте, пойдем в культбудку. Там отдохнете,— услышала она чей-то голос и почувствовала, как кто-то взял ее за локоть.

Зулейха подняла голову и увидела добрые голубые глаза Жигалкина. Затем она оглядела площадку буровой. На квадратной доске были сложены свечи. Ахмедов стоял у ротора, уста-Сафар — у тормоза.

Девушка поднялась, надела брезентовые рукавицы и подошла к ротору. Ахмедов хотел что-то сказать ей, но мастер остановил его взглядом. Каждый продолжал свою работу.

Вахта работала молча, однако в этом молчании и в усердии, с которым работал каждый, чувствовалось напряжение и беспокойство: что будет с буровой?

Уста-Сафар винил в этой аварии прежде всего себя: доверился женщине, к тому же совсем неопытной работнице.

Он замечал ее волнение. Она все еще не успела прийти в себя после случившегося, часто допускала ошибки, отставала от других рабочих.

— Товарищ Зулейха,— позвал мастер, подходя к ней.— Пойдем со мной... Мне надо сказать...

«Началось! — со страхом подумала Зулейха. Она поняла, что мастер следил за нею, замечал ее оплошности, неуверенные движения.— Спасибо хоть, что при всех не будет позорить».

Перед самой культбудкой мастер остановился и пропустил ее вперед.

Зулейха молча опустилась на желтый крашеный табурет. Уста-Сафар достал термос и налил две чашки чая.

— Пей,— сказал он, поставив одну из чашек перед Зулейхой.— Чай помогает преодолевать и сон и усталость...

Зулейха и в самом деле ощутила усталость, как только села. «Сейчас он скажет: нечего тебе тут делать — и попросит с буровой».

— Видишь ли, товарищ Зулейха, я не умею гладко говорить,— начал уста-Сафар.— Я не мастер на слова, вроде Ахмедова. Я хотел сказать, что не люблю людей, которые при первой же неудаче падают духом...

О чем он говорит?

— И еще я хотел сказать, что не уважаю тех, кто теряется в трудную минуту. Человек, который теряется или падает духом, может и расплакаться. А слезы, сама знаешь, признак слабости. Грош цена такому человеку...

— Я... не падаю духом, мастер! Клянусь, вы ошибаетесь.

— Нисколько не ошибаюсь. Не хватало еще, чтобы ты плакала навзрыд и утиралась платком... А слабость твою я вижу: руки у тебя дрожат, глаза неизвестно куда смотрят. Все это не к лицу тем, кто вошел в семью бакинских нефтяников, особенно морских нефтяников...

Мастер залпом выпил остывший чай и, поставив чашку на стол, поднялся.

— Когда ты настаивала на своем, мне показалось, что ты молодец и умеешь добиваться своего. Оказывается, я ошибался...

Зулейха вскочила с места:

— Нет, мастер, вы не ошибались! Тут вы не ошибались!

— А в чем же я ошибался? — спросил уста-Сафар, многозначительно глядя на Зулейху, и продолжал, прочитав ответ в ее глазах: — Нет, и в том вопросе я тоже не ошибался... Своего мнения я не меняю.

Только теперь Зулейха окончательно растерялась: «Значит, он по-прежнему считает меня сумасбродкой». Она хотела возразить мастеру, но раздумала и безнадежно махнула рукой.

И в эту минуту культбудку потряс первый порыв ураганного ветра. Сквозь маленькое оконце было видно, как запенились волны.

— Вот как беспощаден наш враг! — проговорил уста-Сафар и подошел к окну.— Пойди посмотри, прислушайся, как заволновался Каспий! Он требует от человека непоколебимой выдержки, железной воли. Поняла?

— Нет, мастер, я не из слабых! Я умру на этой буровой или стану настоящим бурильщиком!

— Не нравятся мне твои слова. Говори твердо, без всяких «или». Это наш Ахмедов любит такие выражения: или умру, или останусь...

При имени Ахмедова Зулейха глянула на мастера, и в глазах ее было недоумение. Мастер и сам не мог понять, зачем он упомянул Ахмедова, и на минуту застыл в нерешительности. Потом он поглядел в окно на клокотавшее море.

— Море и женщина...— произнес он задумчиво, как бы про себя.

— Что вы сказали? — переспросила Зулейха.

— Я говорю, начинается шторм! — Уста-Сафар не отрывал глаз от бившихся о сваи волн.— Говорить о смерти — пустое дело! — добавил он и пошел к двери. У выхода он остановился и поглядел на Зулейху. Слова его прозвучали необычно мягко и ласково: — Поспи немного. Отдохни...

Во взгляде мастера почудилось Зулейхе что-то очень хорошее, и это наполнило ее радостью, заставившей забыть о всех неприятностях и горестях. Зулейха хотела что-то сказать, но мастер уже вышел, и новый порыв штормового ветра с силой захлопнул дверь.

Разбушевавшееся море опрокидывало громады волн на затерявшуюся вдали от берега буровую, заставляя ее дрожать и сотрясаться. Эти грозные волны вызывали в душе Зулейхи смутные чувства, пробуждали в ней непонятные желания — и горькие, и радостные...

Перевел с азербайджанского Аз. ШАРИФ.

[1] Игид — джигит.

Слово акына

Омар ШИПИН,

народный акын Казахстана

У стариков обязанность своя:
Отдать потомству все, что накопили
За долгий век. Поведать, не тая,
О том, что годы в сердце сохранили.

Воспоминаний бурная река
Несет меня в грохочущие дали.
Я стар, но мысль по-прежнему крепка
И сердце, словно горн у наковален.

Оно горит, как будто снова юн
Я стал сегодня. Радостен и светел,
О счастье славной Родины пою,
Которой лучше нет нигде на свете...

А было время — горько вспоминать!
Не зря до срока голова белела:
В тисках стонала вся моя страна,
Людскому горю не было предела.

Страдал народ, не ведая пути,
Как вырвать жизнь из каторжного плена.
И вот в моей измученной степи
Услышал я впервые имя: «Ленин».

Он к нам пришел, как правды ясный свет.
Народ обрел и силу и отвагу.
Идем вперед мы сорок славных лет,
Идем под ленинским победным стягом.

Я раньше знал: земля моя скупа,
И лишь для птиц одних просторы неба.
Я робко по земле своей ступал,
Положенного счастья не изведал.

А ныне человек наш стал иным:
Доступно все уменью и усилью.
Земля раскрыла недра перед ним,
И в небе он парит на смелых крыльях.

К победе нашей путь не легким был,—
Преодолев громады перевалов,
Народ мой к счастью верный путь открыл,
Идя вперед с упорством небывалым.

Все это людям Партия дала,
В ней мудрость, честь и мужество народа.
Прекрасна жизнь! Прекрасна и светла,
Страна растет и крепнет год от года.

Я видел раньше нашу степь иной:
Она века нетронутой дремала.
А нынче здесь хлеба стоят стеной,
Взлелеянные силой небывалой.

Побеждена навеки целина,
Несет она богатство нам и радость.
За смелый труд нас чествует страна
Великой и заслуженной наградой.

Взволнованно сегодня я пою
О радости и счастье нашей жизни,
О тех, кто славит Родину мою
Трудом своим во имя Коммунизма.

Перевел с казахского
Петр АКУШЕВ.

СТРАНА БОЛЬШОЙ СУДЬБЫ

Ник. КРУЖКОВ

Фото Б. Кузьмина.

Возвращение в семью

Красавец Днестр серебряными своими струями разделил надвое молдавскую землю: левобережная сторона легла в широком степном лоне, слившись с юго-западной Украиной; правобережная, Бессарабия, своими мягкими, нежными холмами и увалами ушла вдаль, к Пруту. Но народ здесь живет один — молдавский народ. У него большая история. Если оглянуться в давние времена, можно увидеть: с запада на молдавскую землю приходили завоеватели, а с востока — братская помощь, освобождение.

В городе Кишиневе есть улица 28 июня. Это наименование дано в честь 28 июня 1940 года, когда советские войска перешли Днестр и, подобно бурному весеннему потоку, растеклись по дорогам, неся на своих красных знаменах освобождение от гнета боярско-фашистской Румынии.

Никогда не изгладится в памяти волнующая картина всеобщего ликования, охватившего весь народ Молдавии. В Кишиневе люди стояли сплошными рядами — от окраины до окраины. Громовое «ура» раздавалось по всем улицам. Дождь цветов лился на плечи советских солдат. Слезы радости были на лицах. Матери протягивали навстречу полкам своих детей, и дети доверчиво шли на руки солдат армии-освободительницы. Из всех сел выходили толпы крестьян с хлебом-солью на расшитых полотенцах, с оркестрами. В каком молдавском селе нет музыкантов! Дни эти были наполнены музыкой, песнями, танцами. Народ освобожденной Молдавии ликовал, радовался от всей души. В Дурлештах, большом селе за Кишиневом, крестьяне встретили советских танкистов маршем «Тоска по родине» — старинный этот марш хорошо выражал чувства людей: освобожденный народ возвращался в родное лоно.

Вся обстановка памятного сорокового года показывала, какие глубокие корни связывают молдавский народ с советскими народами и как ничтожно малы были плоды 22-летней оккупации: все усилия оторвать Молдавию от родины оказались тщетными.

Столица

Кишинев 1940 года был такой же, как в 1913 году: на главной, Александровской улице бегал жалкий трамвайчик, извозчичьи пролетки и грузовые подводы гремели по булыжной мостовой там, где она была, или тонули в пыли и грязи; окраины, заселенные беднотой, были полны застарелой вони и мусора, и только верхняя часть города, где под сенью сладостных садов располагались особняки богатых людей, оставалась уютной и красивой.

Нет, в 1957 году узнать Кишинев было невозможно! Отличный новый вокзал. Стайки такси. Троллейбусы и автобусы один за другим подходят к вокзалу и, шурша шинами по гладкому асфальту, бегут в город. Кругом большие дома. Бронзовый Котовский на бронзовом коне, как живой, и кажется, вот-вот всплеснет в воздухе его прославленная шашка... Вспоминается Багрицкий:

Но вот Котовский
С конницей веселой
Ударил пикой,
Пулей просвистел.

Да цветет совет

Председатель Совета Министров Молдавской ССР Г. РУДЬ

Кто не был в Молдавии 10—12 лет, тот не узнает нашей республики. В короткий срок благодаря заботе партии и правительства и самоотверженному труду народа Молдавия из отсталой аграрной окраины превращена в республику с высокоразвитой социалистической промышленностью и крупным механизированным социалистическим сельским хозяйством.

Молдавия славится теперь и своими пищевыми предприятиями, и своими кожевенными заводами, и своими трикотажными фабриками. Сейчас республика занимает первое место в Союзе по производству вина, второе — по выращиванию табака, третье — по производству консервов и подсолнечного масла. Наша промышленность по сравнению с 1940, предвоенным годом, когда было осуществлено воссоединение молдавской земли, дает продукции почти в 6 раз больше. Быстрыми темпами будет развиваться она и в шестой пятилетке. Валовая продукция промышленности республики с 5 миллиардов 238 миллионов рублей в 1955 году возрастет до 9 миллиардов 437 миллионов рублей в 1960 году.

Молдавская земля дает советским людям фрукты, виноград, овощи, хлеб, табак, сахарную свеклу, коконы тутового шелкопряда. Труженики сельского хозяйства Молдавии вместе с колхозниками всей страны близко к сердцу приняли боевой лозунг партии догнать и перегнать США по производству мяса, молока, масла на душу населения. Подсчитав свои возможности, наша республика взяла обязательство произвести мяса на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий в 1957 году 65 центнеров, а в 1960 году — 155 центнеров. В 1960 году мы намечаем получить более одного миллиона тонн молока — это в 2,4 раза больше, чем в 1956 году. И тогда на душу населения будет приходиться по 388 килограммов молока.

Гордостью нашей республики являются сады и виноградники, площади которых из года в год увеличиваются. Нынешней весной колхозы республики посадили свыше 40 368 гектаров садов и виноградников. Они взяли обязательство посадить за годы шестой пятилетки более 200 тысяч гектаров садов, виноградников, ягодников и тутовых насаждений.

Сейчас на полях колхозов и совхозов республики горячая пора

Не узнать Кишинева!

Интервью «Огонька»

ская Молдавия!

уборки урожая. Многие колхозы и совхозы вырастили более чем стопудовый урожай. Работа идет с большим воодушевлением.

Успехи республики — это успехи ее национальных кадров, квалифицированных рабочих, инженеров, техников, агрономов, новаторов, колхозников, ученых. Если перед войной в Молдавии было 16,5 тысячи специалистов с высшим и специальным образованием, а на территории бывшей Бессарабии их почти вовсе не было, то сейчас в республике таких специалистов имеется свыше 46 тысяч человек.

По сравнению с 1914—1915 годом в техникумах и других специальных средних учебных заведениях число учащихся возросло в 37 раз. Сейчас в вузах республики обучается 17,2 тысячи студентов. Ныне молдавский народ на родном языке читает произведения классиков марксизма-ленинизма, гениев русской и мировой литературы. Мы гордимся своим национальным искусством, литературой.

Неузнаваемо изменился облик городов и сел республики. Разве можно нынешний Кишинев сравнить с прежним губернским центром царской Бессарабии! Кишинев с его асфальтированными улицами, троллейбусами, автобусами, парками, новыми домами может быть по праву поставлен в ряд со столицами других союзных республик. В Бельцах, Оргееве, Тирасполе, Бендерах, Рыбнице, Дубоссарах — во всех городах республики идет большое жилищное и коммунальное строительство.

Успехи в развитии экономики и культуры Молдавии, как и всех союзных республик,— свидетельство торжества ленинской национальной политики. Только оторвавшаяся от жизни антипартийная фракционная группа Маленкова, Кагановича и Молотова не видела и не желала видеть этих успехов и противодействовала твердо проводимому партией курсу на расширение прав союзных республик в области экономического и культурного строительства, в области законодательства. Решение июньского Пленума ЦК КПСС, своевременно разоблачившего фракционную деятельность этой группы, единодушно одобрили все партийные организации, весь народ Молдавской республики.

Под руководством Коммунистической партии молдавский народ в дружной семье советских народов и впредь будет бороться за укрепление могущества Советского Союза.

Из камышей,
Затихнувших в тумане,
Из рощ,
Из нераспаханных полей —
На клич его выходят молдаване,
Оружье чистят
И скребут коней...

Нынешняя главная улица Кишинева, носящая имя Ленина, легла через весь город широкой шумящей рекой. Неужто это прежняя Александровская? Благоустроенные дома пришли на смену прежним двухэтажным и одноэтажным домишкам. Вместо былых лавчонок появились отлично оборудованные магазины. Вся улица в буйной зелени белой акации и издали кажется садом, как, впрочем, и весь Кишинев. Здесь любят и берегут сады, парки. Да и как не беречь, когда солнце в Молдавии летом такое горячее и беспощадное; чуть выглянет — и уже лезь в тень...

На улицах многолюдство, особенно вечером, когда, по обыкновению южан, все выходят из домов погулять, потолкаться, подышать воздухом, встретиться с друзьями. Звучит разноязычная речь — молдавская, русская, украинская, еврейская; полны кафе, закусочные, рестораны, кино, парки. После войны Кишинев обзавелся своим собственным озером. Молодежь «строила» его, потому и называется оно Комсомольским. Десятки тысяч кубов земли пришлось вырыть юным патриотам города, зато теперь у широкой озерной глади возник молодой красивый парк, и легкие паруса яхт бороздят воды — зрелище, совсем сказочное для старого Кишинева, испокон веков испытывавшего недостаток в воде.

На окраине, у Широкой улицы, возвысился стадион, вмещающий 25 тысяч человек. Спорт любят в Кишиневе, и когда здесь происходят футбольные матчи, то кажется, что не только весь город— вся республика устремилась на трибуны стадиона. В центре города выстроен отличный театр оперы, балета и драмы — предмет гордости кишиневцев. Теперь молдавский зритель смотрит спектакли на родном языке. Театру присвоено имя Пушкина, и это понятно, ибо великий поэт жил здесь.

Недалеко от станции стоит здание молдавского филиала Академии наук — учреждения, для прежнего Кишинева совершенно немыслимого. Несколько вузов имеет этот город и добрый десяток техникумов. Учащейся молодежи в городе много, и это придает ему особые черты; жизнерадостность, веселье, песни, музыка прочно утвердились на его улицах.

Залитый по вечерам электрическим светом (производство электроэнергии в республике по сравнению с 1940 годом увеличилось в 19 раз), город Кишинев полон жизни. В нем бьется пульс республики, и это явственно ощущаешь.

Нет, красив стал Кишинев! Не узнать его. Он изменился так же, как изменилась вся Молдавия. На богатой земле жил здесь ранее бедствовавший, обездоленный молдавский народ, плоды его трудов рвали себе на потребу помещики и кулаки, свои господа и господа наезжие, а теперь он работает на себя, для своего блага, и жизнь кругом стала совсем иная — хорошо стал жить народ.

В Чадыр-Лунге

Как только выедешь из Кишинева, молдавская земля сразу, без всякой подготовки раскрывает свои красоты во всю ширь. Куда ни глянь, всюду тщательно обработанные поля, пустых мест нет, и так прет из этой земли хлебная и иная благодать, что невольно зажмуриваешься от всего этого богатства. В этом крае довольство ощущаешь во всем: в лицах людей; в их одеждах, особенно если попадете в село на праздник, когда все приоденутся получше; в чистых, заново отделанных голубых домах; в приусадебных участках; в тучности и обилии скота; в обязательных почти для каждого села домах культуры, часто напоминающих если не дворцы, то добротные помещичьи особняки былых времен; в магазинах, где народ толчется в поисках товара не дешевого, а хорошего, красивого, солидного... Заходите в любой дом — вы найдете там радиоприемник, патефон, велосипед у крыльца. При этом вам еще скажут: «Вот бы телевизор нам. Говорят, что в Кишиневе скоро построят станцию, тогда и в город ездить не нужно».

В Чадыр-Лунге мы были в полевом стане. Ожидали, что увидим подобие шатров или легких сарайчиков: ведь стан же! Перед нами предстал солидный дом с черепичной крышей, цветы перед домом, в общежитиях чистейшие кровати, прибранные с большой

Доярки Лена Стаматова, Люба Новачлы и Катя Генова.

тщательностью, рядом со спальнями — умывальные комнаты с ванной и душами, красный уголок с газетами, журналами, шахматами, а в столовой работники стана — полеводы, виноградари и механизаторы — ели обед столь основательной сытности, что оставалось только подивиться и позавидовать. А во дворе в идеальном порядке, по расчерченным известью линиям рядами красовались тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, готовые к службе, к бою за урожай, и даже вид у них был какой-то парадно-воинственный. Бригадир комплексной бригады Константин Тукан, познакомив нас со всем бригадным богатством, сел на свой мотоциклет и уехал в дальнее звено проверять прополку,— крепкий, коренастый человек с сияющей улыбкой на широком крестьянском лице, хозяин в каждом своем движении и жесте. Трудно было представить, что перед нами бессарабский крестьянин, который сравнительно недавно ходил в рваных портках и ломал шапку перед каждым, кто был для него барином или казался им. У стены дома грелись на солнце велосипеды: люди кончат работу и разъедутся по домам. Не пешком же идти! Это раньше ходили пешком за добрый десяток верст, еле передвигая ноги после тяжкого труда. Коня, крестьянскую опору, приходилось беречь!

В том же чадыр-лунгском колхозе имени Кирова у МТФ мы разговорились с молодыми доярками Леной Стаматовой и Любой Новачлы. Они напоминали медицинских сестер в стерильной белизны халатах: работа доярки требует опрятности. Все они окончили среднюю школу и, право, не жалеют о том, что остались работать доярками. Зарабатывают в среднем до 800 рублей в месяц деньгами да еще в придачу, если добьются хороших удоев, получают немалые премии молочными продуктами. «А в селе теперь совсем нескучно. Вот в нашем Чадыр-Лунге даже оперетта выступает. Сегодня все идем на «Роз-Мари».

Мы тоже в этот вечер были на спектакле «Роз-Мари» в исполнении невесть как заехавших сюда артистов Батумской оперетты. На сцене красавец Джим воспевал «цветок душистых прерий», а над рампой висел лозунг:

«Дадим 110 центнеров мяса на 100 гектаров земельных угодий!»

Этот лозунг — боевая программа чадыр-лунгских колхозников. Его вы встретите везде: у ворот правления, на улицах, возле школы. 110 центнеров мяса не пустая фраза. Колхоз растет год от года. В 1953 году общий доход его равнялся 2,9 миллиона рублей, а в 1956 году — 6,2 миллиона. Люди стали жить хорошо. К примеру, семья скотника Николая Дмитриевича Кирогло, имеющая в своем составе двух трудоспособных, заработала в 1956 году 13 200 рублей, а кроме того, получила дополнительной оплаты 3 тысячи рублей и 50 центнеров хлеба (овощи, виноград, фрукты не в счет).

А ведь совсем недавно...

Впрочем, об этом лучше всего расскажет Иван Дмитриевич Топчу — председатель колхоза...

— Лет-то мне еще немного — тридцать три года. Председательствую, правда, давно — десять лет. Начал в родном селе Томай, а с 1951 года — в Чадыр-Лунге. Отец мой батрачил всю жизнь, так и помер в доме у кулака. Была у меня, мальчишки, одна пара штанов и одна рубаха, зато полон был я злости против тех, кто давил нас всю жизнь, и, как вернулась к нам Советская власть после немцев, всю ее, свою злость, снес в комсомол: берите меня, Ивана Топчу, я весь ваш... Чудно было, когда избрали меня председателем колхоза. Стали звать по имени-отчеству, а некоторые даже по старинке шапку ломали. Как же, руководитель, начальник! Однако за дело взялись дружно. Да оно и понятно: голодно было, все пожгла, смяла война, а тут еще засуха, недород. Тягловая сила — всего-навсего пара быков, пара лошадей и один верблюд. Откуда он у нас взялся, черт его знает... Работали из последних сил, а когда осенью роздали на трудодень по 6 килограммов зерна, люди ожили. Один старик так и сказал мне: «Не верил я, Ванька, что будем мы жить хорошо. И тебе, Ванька, не верил. А теперь вижу: будем!»

Теплая ванна...

Я знаю, про меня говорят: «Топчу — хороший председатель». А я на это скажу: народ у нас дружный, работает хорошо — в этом все дело. Колхоз стал для всех необходимостью. Без колхоза никто не представляет своей жизни. Вы, может, думаете, что взяли мы на себя непосильно эти сто десять центнеров мяса на сто гектаров? Так, мол, похвастаться... Посильно! Всем колхозом разбирались. Дадим непременно! И двести двадцать центнеров молока на те же сто га; и кукурузы соберем не менее сорока трех центнеров на гектар... Вы говорите, орден Ленина у меня? Народный это орден. Председатель, конечно, я, но ежели буду плохо работать, то и выгонят, не поглядят ни на что...

Закатное солнце стояло над Чадыр-Лунгом — безвестным ранее, а теперь знаменитым селом, — какое-то особое, малиновое, веселое солнце. Лицо председателя пылало в отсветах — молодое лицо, полное энергии и силы. Иван Топчу — батрацкий сын... Разве могло его отцу присниться, что будут тут, в чадыр-лунгских местах, такие дела? А сын спокойно улыбается: ничего особенного, народ захотел — народ сделал.

Беседа с Иваном Федоровичем Чеботарем

Иван Федорович — человек решительно ничем не знаменитый: в газетах о нем не писали, песни о нем не слагали. Он обыкновенный житель села Олешканы. Вот оно, село, запрятавшееся в овраrах, раскинувшее свои дома километра на три,— обычное молдавское село, в садах, виноградниках, с обязательной церквушкой на косогоре. Должность у Чеботаря тоже не бог весть какая — дорожный обходчик... Каждый день он делает восемь километров с лопатой вдоль грейдерной трассы, идущей к Резине, маленькому городку у Днестра; увидел ямку — зарыл, свалилась тумба — поставил на место.

Мы с ним уселись на пригорке, откуда открывался веселый вид на свежие, изумрудные поля, на виноградники, на село Олешканы, и задымили табачком...

— Может быть, вы начальство какое? — осведомился Иван Федорович.

— Нет, не начальство...

— Ну, это хорошо. А то оно, дорожное начальство, разное бывает...

— Живете-то как?

— Хорошо живем. Жаловаться нечего. Прямо скажу: нечего. Вот только ответьте мне, проезжий человек: война будет или нет?

— Опасаетесь?

— Нахлебались мы этой войны. Мне шестьдесят три года, я еще в первую германскую в артиллерии хорошо хребет наломал на юго-западном фронте. А потом «антонески» эти пришли — двадцать два года жили под ними. Что хорошего! Родину потеряли. Горше этого ничего и нет. Потом их выгнали, да ненадолго. Через год опять пришло лихо. Кого мы тут только не видели! А чище всех ограбили нас немцы-фашисты: хоть шаром покати в Олешканах, да и не только у нас — во всей округе. Чуть что — «Хальт!», и каюк тебе. Зато когда отступали они, отлились котам мышиные слезки: оборванные, грязные, голодные, вшивые, кто на костылях, кто на винтовку опирается, кто идет сопит, еле дышит. Однако курей у меня всех десять штук из автомата постреляли. «Фрессен,— говорят,— фрессен...» Ушли, прошли, и нет их. Как наваждение... Нет, ни к чему она нам, война, потому что, правду вам скажу, проезжий человек, жить стал здешний мужик так, как он раньше никогда и не жил. Врать мне

Иван Федорович Чеботарь.

прибыли нету. Посидим, поговорим, вы туда, а я сюда... Удивляетесь, что я по-русски хорошо говорю? У нас тут все двуязыкие. А я к тому же еще в старое время в русской армии научился здорово, с тех пор и не забыл... Вот у меня сейчас сын дом строит, хороший дом, хоть и у меня хата неплохая, да молодому хочется получше. Кто помогает? Колхоз. Раньше наш молдаванин что ел? Мамалыгу. С салом-то еще ничего, да оно кусалось. Значит, ели с «таком» — приправа слабая. Пять — шесть дворов жили хорошо, а остальные пятьсот животы подтягивали... А уж оборванней молдавского мужика и трудно было найти. Теперь же вот наши девки на ситец не смотрят: подавай... как его... шелк, в общем. А ведь мы недавние колхозники, и десяти лет еще нету. Дальше же, надо думать, будет еще лучше. Мои-то все в колхозе, а меня, старого, на службу определили. Мне это, по совести, в убыток, ну, да уж ладно: кому-нибудь и дорогу надо блюсти... Так вот скажу я вам, что войны быть не должно. Это так я полагаю, Иван Чеботарь... Закурим еще по одной, проезжий человек?

☆ ☆ ☆

Хорошая сторона — Молдавия! И народ здесь живет дружный, трудолюбивый, мирный. И всем хватает места под ее жарким солнцем: молдаванам, болгарам, русским, украинцам, гагаузам. Вот когда исколесишь такую республику вдоль и поперек, увидишь, как люди живут и трудятся, сколько у них добрых надежд и мыслей, невольно проникаешься гордостью за свою Родину, которая всем народам истинная мать. Молдавия чуть ли не позже всех советских республик вступила на социалистический путь жизни, а пошла, гляди, как быстро! Да уж таков живительный воздух в нашем отечестве, что все хорошее, доброе и нужное людям растет у нас с наливной силой, урожайно растет!

Путь художника

Ю. ПИМЕНОВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР

Когда видишь перед собой произведения художника, который всю жизнь с подлинным, страстным интересом живет своей темой, темой, интересующей и всех вокруг, тогда не хочется говорить об узких художественных терминах и понятиях, хочется думать и жить глубоким чувством искусства.

Такое чувство вызывают картины Александра Дейнеки.

Молодость Советского государства, молодость нашего поколения стоит перед глазами, когда мы смотрим ранние вещи Дейнеки. Страна начинала строить свою тяжелую промышленность, горячим воздухом созидания была овеяна жизнь. И молодой художник с неподдельным увлечением рисовал прозрачные конструкции новых цехов, фигуры крепких рабочих людей с многочисленных строек первых пятилеток. Новые чувства и новые понятия складывались в быту, невиданные технические вещи упрямо входили в действительность. Москва строилась, надстраивала на свои старинные дома новые этажи. В асфальтовых котлах уже не прятались беспризорники Ф. Богородского, шум стройки разносился по улицам Москвы.

И по этой Москве, разрытой и заваленной кирпичом, пробежали новые в жизни и в искусстве сухопарые бегуны Дейнеки, пробежали из новой жизни в новое искусство, на фоне светлых домов к возникающим стадионам, к широким водохранилищам завтрашнего дня, по которым острым углом к воде прошли потом яхты Г. Нисского.

Дальше шла многообразная сильная жизнь страны, с достижениями и забстами, с радостями и горестями. И в ногу с ней шел этот талантливый, умный, всегда увлеченный временем художник. Искусство Дейнеки — энергичное, действенное, мужественное искусство.

Большие идеи времени требуют новой пластики, новой формы выражения, не потому, что им просто нужна новая форма, а потому, что для выражения новых чувств старой формы не хватает. Так развивается жизнь, так развивается и искусство.

Когда какой-нибудь ремесленник, силясь быть современным, начинает в рисунок орнамента или росписи вводить отбойные молотки, мартены, нефтяные вышки и, не любя их и не понимая, украшать лентами и лаврами, ниспадающими тканями и венками, то, безусловно, он не чувствует ни жизни, ни искусства.

Чувство современности подделать нельзя. Дейнека обладает им в полной мере. Как у всякого настоящего художника, его творческий путь полон исканий, в котором были и удачи и ошибки, иногда его вещи были вычурны, иногда чересчур сухи. Но даже в слабых работах художника неизменно просвечивала настоящая заинтересованность в жизни.

В произведениях искусства дороги прежде всего мысль и чувство. Радость воздействия истинного образного искусства несравнима с мелкими и узкими профессиональными утехами.

Новая действительность нашла в искусстве Дейнеки верное образное выражение. Это искусство всегда заинтересовано в идущей, развивающейся жизни — в этом залог успеха художников такого живого типа, в этом характер их таланта.

Крепкие шахтеры поднимаются из штрека, пестрые фигуры лыжников новыми силуэтами рисуются на лесном снегу, светлые сильные фигуры участников праздничной демонстрации выходят на большое панно парижской международной выставки, грустные негры смотрят с заграничных холстов художника, суровые дни войны в жестоких боях, в холоде железа возникают перед зрителями, и за всем этим мысль и чувства художника.

В мозаике и бронзе, в живописи и акварели, на орнаменте решетки и в сценической декорации Дейнека всегда остается современным художником.

Шли годы большой жизни, и в искусстве было сделано много нового, настоящего, глубокого. В зрелые явления сформировались и полнокровная живопись А. Пластова, и литая форма П. Корина, тонкое искусство С. Герасимова и С. Чуйкова; от Б. Иогансона до М. Сарьяна, от В. Фаворского до Д. Шмаринова, от С. Коненкова до С. Лебедевой развернулось многообразие советского искусства. И место Дейнеки — в первых рядах идущих вперед, его искусство всегда интересно и ново. От «Обороны Петрограда» к «Обороне Севастополя», от купающихся донбассовских парней до молодого «Тракториста» он идет хорошим путем настоящего советского художника.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

«Недавнее прошлое»

Федор Панферов — крупный советский писатель. Каждая его новая книга с интересом встречается читателем.

В двух последних номерах «Нового мира» за прошлый год напечатана повесть Панферова «Недавнее прошлое». Это честная, самокритическая автобиография, охватывающая жизнь писателя с детских лет и до встречи с Максимом Горьким; книга становления человека, коммуниста, писателя.

«Недавнее прошлое» не только биография Панферова,— это биография целого поколения русских людей, рассказ о том, как завоевывалась Советская власть.

С первых страниц повести читатель знакомится с бабушкой Груней и входит в великолепно выписанный старообрядческий быт семьи Панферова. Приезжает с заработков отец, пьющий человек, с собственной философией:

— Страшнее человека, Федярка, зверя на земле нет.

Рассудительный и впечатлительный мальчик мог бы и не поверить этим тяжелым словам, но «самоубийство» М. П. Кошелевой, которую повесил Царьков, судьба многих и многих забитых и искалеченных людей, смерть Кошелева от побоев в арестантской, гибель Егора, пробившего череп о дверь амбара, — все это, казалось, подтверждало справедливость страшных отцовских слов.

Гонимая голодом и бесправием, семья Панферовых покидает обжитые места на Волге и вместе со многими такими же обездоленными отправляется в Баку, на нефтепромыслы.

Действие стремительно развсрачивается, и читатель чувствует революционные настроения, вызванные неудачной войной с Японией, видит зверские погромы армян. Поиски постоянной работы для плотника Ивана Панферова окончились неудачей, и вся семья вынуждена вернуться в родное село.

Маленький Федя поступает подпаском к пастуху Дубову, умному, волевому человеку. Арест Дубова стал для мальчика первым революционным уроком. Он готовится в учительскую семинарию города Вольска, где на 28 мест 160 претендентов. Преодолев козни преподавателей на вступительных экзаменах, Панферов двадцать восьмым по списку попадает в семинарию.

Любовно описывает Панферов учителя математики Николая Петровича Куликова, который знакомит его с новыми книгами, с «Коммунистическим манифестом» и статьями Ленина. В вихре событий 1917 года Панферов нашел свое место. 20 марта 1918 года его приняли в партию большевиков. Он пишет свою первую повесть, «Сысуевская республика», и под псевдонимом Марк Солнцев печатает ее в саратовском журнале «Коммунистический путь».

Как делегат VIII съезда партии Панферов едет в Москву и слушает речь Ленина о ста тысячах тракторов и об электрификации страны.

«Владимир Ильич говорит, временами хмуря солнечный лоб, сердится... и мы хмурим лбы, сердимся. А вот он захохотал над наивным заключением противника. И как хохочет! Громко. Раскатисто. Убийственно».

В 1924 году Панферова направляют на работу в «Крестьянскую газету». Ночами он пишет длинные поэмы, подражая Верхарну, Тагору, Уитмену, выступает в печати против отрубов и решительно за коллективные хозяйства. Он едет к Петру Степанычу Кулькову — яростному пропагандисту индивидуального культурного хозяйства, и, критикуя это хозяйство, пишет рассказ «Огневцы», получает за него первую премию на конкурсе издательства «Московский рабочий». Дмитрий Фурманов советует переделать рассказ в роман: «Бери шире». По совету Фурманова Панферов находит мужественных и непреклонных людей, не отступающих в решительной схватке с классовым врагом, и пишет «Бруски».

В «Недавнем прошлом» читатель наблюдает творческую лабораторию, видит тех, кто стал прототипом героев романа.

Федор Панферов — народный писатель, знающий душу советских людей. Он мастер портрета. Два — три уверенных штриха — и перед читателем встает герой во всем многообразии своего характера.

«Я подошел к столу и всмотрелся.

Человек написал:

«Ивану Герасимычу Пшенцову предлагаю тебе немедленно Явиться, в сельский совет председатель сельсовета П. Козловский».

Я спросил:

— Почему вы слово «явиться» написали с большой буквы?

Он вскинул на меня удивленные глаза и ответил:

— Да ведь он должен явиться.

— А-а. Ну, а почему вы после «явиться» поставили запятую?

— Да ведь это слово-то должно ему в башку запасть,— решительно и уверенно произнес он.

Я подумал:

«Вот это председатель: свой синтаксис и свою грамматику придумал на пользу Советской власти».

Писатель долгое время жил со своими героями, жил их думами, вместе с ними боролся за лучшую жизнь, и как результат из этой бурной жизни выросли «Бруски», на которые ушло десять лет труда.

В конце «Недавнего прошлого» Панферов пишет: «После «Брусков» я написал еще несколько книг. Об этом периоде, о моих встречах с людьми, я думаю рассказать в следующей повести».

Читатели «Недавнего прошлого» ждут продолжения.

Сергей БОРЗЕНКО

Федор Панферов. Недавнее прошлое. «Новый мир», №№ 11—12, 1956.

Светлые строки

Виктор Полторацкий настолько хорошо известен читателям как советский очеркист, что редкие стихи за подписью «В. Полторацкий» обычно и не приписывались автору таких книг, как «В родных краях» или «В дороге и дома».

Но вот вышел сборник стихов В. Полторацкого, и теперь никаких сомнений быть не может: да, стихи эти написаны той же рукой, что и многие обаятельные очерки о Владимирском крае, о простых советских людях. Когда прочитаешь стихи, встает образ человека, уже знакомого нам. Что он любит, о чем грустит, что ненавидит, за что воюет, мы понимаем из его стихов, и уже в этом их несомненное достоинство.

А любит Полторацкий прежде всего нашу родную землю.

...Россия —
Ясная роса,
Косого ливня полоса
И запах медуниц от луга,
Глаза ребенка,
Сердце друга,
Вечерних рсстаней печаль
И распахнувшаяся даль
От Селигера до Байкала.
Всё, всё она в себя впитала!
Россия — все, чем я живу,
К чему во сне и наяву
Душа стремиться не устала.

В стихотворении «Доброе утро» автор как бы окинул мгновенным взглядом нашу землю и увидел, что в то время, как рассветный ветерок шевельнул листву рязанских берез, а над Кубанью заржал жеребенок, мимо открытых семафоров прошли поезда, груженные хлебом и хлопком; крикнул паровоз в Донбассе, пограничник вышел на дозорную тропу, а сосед автора, собираясь на завод, загремел чайником; через пять минут он включит свой станок, и в это же время в Усть-Сысольске лесорубы выйдут на делянку, в Лисичанске шахтеры врубятся в угольный пласт, трактористы-куряне выведут на пашни свои машины, из Калинина донесется стук топора, а из Одесского порта послышатся «майна» и «вира».

В Родине — красота и простор, в людях — жажда труда, в труде—поэзия—вот что утверждают стихи В. Полторацкого.

Лиричны все стихи поэта, но в книге много лирики в собственном смысле слова, а такие стихи, как «Полонянка», «Владимиро-Суздаль», «Строители», «Владимирка», «Село Небылое», говорят о любви автора к родному краю, к русской старине, к делам предков.

Книга В. Полторацкого не лишена, разумеется, и недостатков, и главный из них — риторичность некоторых стихотворений, подмена показа чего-либо рассказом, подчас в общих словах. Но в целом про стихи В. Полторацкого хочется сказать, что это именно светлые строки. Хорошо, что рядом с нами живет и работает поэт, который говорит о себе:

...Я живу, иду, и всё мне
мало, —
Я хочу понять язык ветров,
Жаркое рождение металла
И сердцебиение цветов...

В. СОЛОУХИН

В. Полторацкий. Доброе утро. Ивановское книжное изд-во. 1957. 96 стр.

Первый номер

В Тбилиси вышел первый номер ежемесячного журнала «Литературная Грузия». Рядом с романом старейшего грузинского романиста и драматурга Шалвы Дадиани «Семья Гвиргвилиани» в журнале помещены стихи азербайджанского поэта Сулеймана Рустама, со стихотворениями Ваша Пшавела — «Маленькие рассказы» абхазца Михаила Лакербая, много произведений прозы и поэзии писателей Советской Грузии.

Николай Тихонов прислал для «Литературной Грузии» рассказ «Цхнетские вечера» и сердечное приветствие новому журналу, который, по словам Н. Тихонова, «будет местом встречи грузинских и русских литераторов и даст возможность многим авторам печатать свои рассказы и стихи непосредственно в Тбилиси, что еще более усилит нашу дружескую связь».

На азиатских и европейских языках...

Представьте себе, что вы на острове, затерянном в Тихом океане. Вы не знаете местного языка и вынуждены объясняться жестами. Не случится ли так, как рассказывал веселый Фигаро своему патрону графу Альмавива: вместо жирной курицы вас угостят жесткой солониной, вместо бургондского или кларета — пивом в железной кружке, вместо поцелуя — закатят звонкую затрещину!

А есть ли такие люди, которые изъясняются на всех языках мира? Ведь в одном только Китае, например, десятки самых разных диалектов!

Для того, чтобы найти «общий язык» в любом городе земного шара, совсем и не нужно знать всех существующих языков и наречий. Филологи утверждают, что достаточно четырнадцати: китайского, английского, хинди и урду, бенгали, русского, испанского, японского, немецкого, французского, итальянского, индонезийского, португальского и арабского. На них разговаривают больше двух третей всех, кто живет на земле.

Людей, которые изучили много иностранных языков, называют полиглотами, что по-гречески означает «многоязычный».

Многие европейские и азиатские языки знал А. С. Грибоедов. В. Брюсов пользовался в своей работе девятнадцатью языками. Он оставил нам блестящие переводы Метерлинка и Гейне, Гете и Верлена, армянских поэтов.

Наш современник ленинградский искусствовед Иван Иванович Соллертинский говорил о себе, что он читает на двадцати четырех языках, а «со словарем и того более». Вероятно, в этом большую роль сыграла его феноменальная память. Соллертинский помнил наизусть не только все произведения Шекспира, но и свободно цитировал всех его комментаторов на их родных языках.

В нашей стране тысячи и тысячи людей изучают иностранные языки в институтах, очных и заочных, на курсах и в кружках. По телевизору и радио преподают английский, немецкий, французский языки. Энтузиасты часами засиживаются у экранов, репродукторов, над грамматиками и словарями.

...«Штаб фестиваля» Московского фармацевтического института, где нам посоветовали искать Марию Яковлевну Сумаронову, заведующую кафедрой иностранных языков, оказался большой темноватой комнатой. За столом сидела молоденькая китаянка с длинными косами и вместе с преподавательницей штудировала «Дубровского».

— Здравствуйте! — поднялась нам навстречу преподавательница.— Да, я Сумаронова. Какие я знаю языки? Так сразу и не ответишь. Читаю почти на всех европейских, кроме венгерского. Ну, какой же я полиглот! — смеется Мария Яковлевна.— Правда, сейчас на таких, как я, большой спрос: фестиваль!

Сумаронова рассказала о своей «фестивальной» работе. Она старалась подготовить как можно больше переводчиков. Это, конечно, не «настоящие» переводчики, но все-таки...

Чтобы хорошо изучить языки, не обязательно заниматься ими, как это было у Сумароковой, с детства.

Владимир Николаевич Топоров стал изучать языки только в университете. Кроме славянских и прибалтийских, он теперь знает немецкий, английский, французский, итальянский, испанский, санскрит, латынь, греческий. Топоров защитил кандидатскую диссертацию и сейчас занимается прибалтийской языковой группой.

— Я ведь филолог,— говорит он,— мне нельзя иначе. Приходится прибегать ко многим источникам, и часто они бывают не на русском языке. Волей-неволей разбираешься, иногда два — три языка сразу учишь...

Т. ТРОИЦКАЯ

БЛИЗ «САВУР МОГИЛЫ»

Из старой записной книжки

Вл. КОРОЛЕНКО

В. Г. Короленко любил широкие просторы своей родины, проселочные дороги, «тихо плетущуюся лошадку, наивный разговор ямщика под шум березок, захолустные, лесом поросшие речки...» Его тянуло на уездные тракты, по которым «так привольно, так мягко идти с котомкой за плечами». Он прислушивался к жизни природы, щебету птиц, различал говор деревьев, звон ветра в степи, знал, «как темный бор в непогоду шумит, и как ветер звенит в пустой степи по бурьяну, и как сухая травинка шепчет на высокой казацкой могиле...»

Где он писал свои путевые дневники, письма, заполнял записные книжки? В поездах, на станциях железных дорог, в крестьянских избах, «на воле», сидя под деревом в лесу. Об этом свидетельствуют многочисленные неизданные работы писателя.

В. Г. Короленко любил быть в гуще народа и в общении с ним черпать богатый материал для своего творчества, разнообразить и совершенствовать мастерство художника-рассказчика.

В 1905 году, путешествуя с дочерьми Соней и Наташей на пароходе по Волге, он устраивал девочек во втором классе, сам же ехал в трюме, вслушивался в разговоры пассажиров.

В этом году и был сделан карандашом на маленьких листочках записной книжки первоначальный набросок этюда «Близ «Савур могилы». Полностью этюд внесен в большую, конторского типа записную книгу 1920 года, в которую автором переписаны материалы из его старых, уничтоженных записных книжек. Частично фрагменты из этой книги опубликованы в Полном посмертном собрании сочинений (1923).

Содержание записной книги 1920 года интересно и разнообразно. Привлекают внимание и отдельно записанные диалоги, выражения: «Сторонися с образами! Дай дорогу с табачком...» или: «Теперь чуть где этакой ихний арарат появится, сейчас ему сами рабочие шею накостыляют и вывозят в тачке».

Среди этих записей и помещено публикуемое впервые произведение «Близ «Савур могилы», характерное для творчества В. Г. Короленко по содержанию и форме, по сочувствию к угнетенному человеку, по мастерству рассказчика.

Е. ГИБЕТ

Это было вначале 900-х годов. Случилось мне быть на ст[анции] Харцизской и разговориться со стрелочником. Его будка недалеко от песенной «Савур могилы», о которой вспоминает украинская дума.

Ой вывели Морозенка на Савур могилу,
Подывыся Морозенку на свою Вкраину...

Теперь отголоски этой думы уже замирают. Я еще слышал ее от старого слепого бандуриста. Голос у него давно съело пение на ярмарках, на ветру, порой на морозе, но в нем остались какие-то изумительные ноты, звучащие стариной и старинной степной тоской. Порой кажется, что это ветер замирает, шелестя травами в степи.

Здесь на месте, близ Савур могилы, не помнят ни о Морозенке, ни о других пленниках, которых татары выводили, чтобы казнить, на Савур могилу. Теперь название Савур могилы объясняют тем, что на ней жили два брата-разбойники: Саватий (которого переименовали на татарский лад и вышел Савур) и младший брат Тимофей; они жили на двух курганах и с этих «могил» подавали друг другу знаки,— сигналы.

На лице рассказывавшего мне это стрелочника, обветренном, суровом на вид, но в сущности чрезвычайно благодушном, появляется при воспоминании о прежних разбойниках какая-то благодушная складка...

— В старину и разбойники были... особенные. Не нонешнему времени чета... Привелось ему, напр[имер], разбойничать, то уходил он в леса, скрывался вроде зверя и дожидается, когда поедут богатые купцы... Застигнет сонных, да еще может выпивши,— его счастье. А если у них есть ружье... Выпалят в него,— должен он пропадать... Так ли я, извините, по своему рассуждению говорю?..

— Пожалуй, что и так...

— Да уж это верно. А теперь?..

Смотрит вопросительно, и на лице появляется горько лукавая складка.

— Города... освещение, полиция, многолюдство. А разве не бывает, что и середь города нападают, убивают целое семейство и скрываются без вести, как прежде в лесах и пустынях... Это как надо понимать? Лучше это? Или например,— остановили целый поезд... «Руки вверх». Оберут всех и тоже самое — ушли, как скрозь землю провалились... А тоже... полиции много... Ты на нее не понадеешься, а оно... выходит... Ну и прочие порядки тоже в роде... разбоя... Нет, прежнее время и нонешнее...

Он видимо хочет сказать что-то более определенное, но смутная мысль не находит выражения.

Я смотрю на него. Ему лет под 60, но две маленькие девочки жмутся к нему, и он корявой рукой гладит их по головкам.

— Это ваши внучки?..

— Нет, дочки. У меня их этаких четверо и все девки. Одну замуж выдал, теперь трех кормлю. А помощи от них никакой. Работник я один. Старшую замуж выдал. Он на заводе служит. Сватался, все обещал: помощь от меня будет. Да я и тогда не верил. Человек он хороший, слов нет... И получает 50 рублей.

— Так в чем же дело?..

— Да в чем дело... Я не без совести... Они получают 50 на двух, мы — двадцать на пятерых. Это есть разница... Так и было мною говорено, когда брал он. Дочь говорит,— живите с нами. Да как тут жить вместе?.. Лишняя тарелка, ложка, вилка, блюдечко, все это расчет... Не накупишься... Так и живем: в одном доме, а порознь. Они на своем хозяйстве, мы на своем... Конечно, иной раз нехватает, — придешь, займешь то, другое... Свои ведь, не чужие... Ну, только потом отдаем до крошки... Нельзя иначе...

Он вздыхает...

— И то рад, что за хорошего человека пристроил... Что будет дальше, а пока живут слава те господи. И до нас хорош... А кабы я без совести был,— неизвестно что бы было.

— А сами вы, кажется, стрелочник?

— Стрелочник...

— Трудная должность...

— Разумеется трудно... Прежде на центральной был, при аппарате легче было... Теперь ручной... Дежурство 12 часов. Конечно в хорошую погоду ничего, или хоть в мороз да без ветру... Шуба, конечно, казенная, плохонькая. Как пойдет непогода или как вот недавно «боро́», бьет целую ночь, прямо с ног валит. Стрелки замело, да приморозило, они не могут действовать... Тут уже не разгонишься... Расчищай все время... ветер казенную шубейку треплет... Поверите, так что снегом по голому телу сыплет.

— А жалованье?..

— Двадцать рублей...

— Есть еще какие доходы?

— Какие доходы! Ну, квартирные еще даются... Квартира оправдывается... Наградные когда десять рублей. А ведь у меня семья,— сам пят.

— Как же вы справляетесь?..

— Так вот и живем... по писанию... Кошка живет, и собака живет...

Он указывает на тощую собаку, робко с опущенной головой пробегающую мимо.

— А ведь жалованья ей ни откуда не идет... Что станешь делать! Умнее бога не будешь. Конечно, такая и жизнь... Этого чтобы там щи или борщ... и думать не можем... хлеб один.

Легкая скорбная складка чуть-чуть трогает грубоватое лицо, как внезапная рябь на луже...

— Даже и хлеб, скажу вам, и тот не вволю... Если бы вволю хлеба,— обошлись бы... Но вот с такой, позвольте сказать, аккуратностью не проживешь. Вот они...

Он гладит рукой голову одной из девочек...

— Кочета завели. Что в нем, в кочете?.. Яиц он не несет... Собачонка тоже у них. Ребята, разума у них нет... Дашь ей кусок, она и им кинет, кочету да собачонке. А потом через полчаса заскулит: «есть хочу». Вот от этого ить самого бывает нехватка.

— А жена не прирабатывает?

По его лицу пробегает тень...

— Нет...

— Она верно моложе вас?

— Да, моложе. Да ведь и ей — руки приложить не к чему... На

нашей станции,— говорит он каким-то измененным голосом,— я вам скажу, женщинам житье спокойное... Жарко ей,— она идет в холодок,— холодно... опять найдет себе приют. Дело ихнее не мущинское: и жарит тебя, и морозит... А здоровье нужно.

Мне кажется, что теперь он коснулся мотива, составляющего узел какой-то драмы в его жизни.

— Да, — говорю я... — трудно вырастить детей.

Он вскидывает на меня глаза, задумывается и потом говорит:

— Ну, это, дозвольте вам сказать: за это я не отвечаю... Об этом я душою спокойный...

— А кто же отвечает?

— А бог! Полагаюсь на его произволение. Может бог сделать так, что лучше моего доведется прожить. Я об этом — истинно вам говорю,— даже и не думаю.

Но говорит он это с таким оживлением, что мне ясно: он думает об этих головках, которые и теперь гладит жесткой, корявой рукой.

— Много мне есть о чем думать и без них... Лет еще 15 назад я был вот такой гладкий да здоровый. А это 15 лет сделали так, что я вовсе старик...

— Старик, а дети вот какие,— насмешливо кидает проходящий мимо человек в железнодорожной форме...

Стрелочник хмурится...

— Что станешь делать! Произошло оно, этакое, на свет... Надо ей жить... Я не ропщу... Иной раз опасаюсь думать... Другие вот как живут... Не говоря о начальнике станции, даже последний телеграфист... Один он... Жалованье ему идет 35 рублей для начала... Пища у него хорошая... О чем ему думать? О баловстве... Все у него есть... Сыт, рожа аж лóснится. Мундир на нем аккуратный... воротничок, манжеты эти... Накрахмалить их, это у нас стоит, как вы думаете... пять копеек... Ему это ничего. Ему бы пощеголять, да какая еще баба осталась нетронутая,— так приударить. Тьфу...

Он ожесточенно сплевывает и задумывается, опустив голову. Девочки смотрят на него, оробевшие, испуганные...

— Да, так вот оно... Что я вам вначале изволил объяснять... Прежнее-то время... Конечно... разбойничали. Ну... однако и нынешние времена, как посмотришь.

Он сидит некоторое время понурившись, потом, как будто отряхнувшись, говорит:

— Ну, я не ропщу, все в божьей воле... Им установлено, а нет большего зла, как роптание.

И он опять любовно прижимает к себе девочек, которые, повеселев, отвечают на ласку этого сурового человека...

В сумерки наш поезд отходит от станции. Я всматриваюсь в степные дали, чтобы разглядеть Савур могилу, откуда разбойник Саватий делал знаки разбойнику Тимофею. Поезд начинает прыгать на стыках рельсов... Стрелка... Я выглядываю в окно и кланяюсь стрелочнику. Но он занят: налегает на рычаг. Поезд проходит мимо, и я опять стараюсь в тумане, залегающем по горизонту, угадать очертания Савур могилы. Смутные, как эти туманы, мысли бродят у меня в голове. Из них самая отчетливая — это мысль, внушенная стрелочником,— что нынешние разбои, при свете нашей цивилизации и при железных дорогах — даже такие, в которых как будто незаметно разбоя, — оставили далеко позади наивные разбои Савура и Тимофея.

Последняя страница рукописи рассказа «Близ «Савур могилы».

Два стихотворения

С. МАРШАК

ПЕСНЯ О ДВУХ ЛАДОНЯХ

Одной ладонью в ладоши не ударишь.
Узбекская поговорка.

В ладоши
Ладонью одной
Не ударишь.
Дóрог в дороге
Друг и товарищ.

Две неразлучных струны
У дутара.
В дружбе живет
Их счастливая пара.

Строчка
В стихах
Не живет
Одиночкой.
Дружно рифмуются
Строчка со строчкой.

Там, где один
Не справляется
Ум,
Верно, удастся
Справиться
Двум.

Глупые мысли
Блуждают вразброд.
Умные
Вместе
Несутся вперед.

С другом вдвоем
Не устанешь от ноши.
В лад ударяют
Под песню
В ладоши.

В лад
Ударяет
Ладонь о ладонь.
Сталь и кремень
Высекают огонь.

СКАЗОЧКА ПРО МАМУ, ДОЧКУ И ПРОХОЖИХ

Свою девчонку за ручонку
Из парка женщина вела,
А все твердили им вдогонку:
— Как эта девочка мила!

Тряхнула девочка кудрями,
Хоть и была еще мала,
И нараспев сказала маме:
— Ты слышишь, мама! Я мила.

— Ну что ты! — мать сказала крошке,
На взрослых бросив гневный взгляд.—
Не про тебя, а про сапожки
Твои, должно быть, говорят.

Идут вперед. А слева, справа
Толкуют люди меж собой:

— Как эта девочка кудрява!
Как цвет идет ей голубой!

Смущенно мама шепчет дочке,
Пройти стараясь поскорей:
— Им очень нравятся цветочки
На новой кофточке твоей.

А на автобусной стоянке,
Куда спешили дочь и мать,
Две толстощекие гражданки
К ребенку стали приставать.

— Ах, что за пупс! — пропела дама.—
Ну прямо куколка—точь-в-точь.

— Довольно! — вымолвила мама.—
Калечьте собственную дочь!

ЛЮДИ И РИТМ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

В три часа пополудни директор Нижне-Тагильского металлургического комбината Анатолий Федорович Захаров садится к микрофону. Главный инженер нездоров, и директору самому приходится вести сегодня рапорт, как обычно называют ежедневные совещания по селектору.

— Гора Высокая! — Голос у Захарова глуховатый, низкий.— Почему лента стояла на аглофабрике?

— Не хватило думпкаров,— откликается Гора мягким, слегка картавящим мужским голосом.

— Почему же сразу не сообщили управлению комбината, Сергей Иванович? Мы могли бы помочь.

— Рассчитывали собственными силами выйти из положения, Анатолий Федорович.

Захаров выдерживает угрюмую паузу. Глубокая вертикальная морщина на его лбу становится резче. Он продолжает деловой разговор с цехами комбината, но я понимаю, что беседа с управляющим Высокогорского рудника инженером Сергеем Ивановичем Николаевым не на шутку встревожила Захарова.

Комбинат («Магнитка» Северного Урала, как его называют иногда) возник недавно. Существовало шесть предприятий, их объединили в одно. Вместе с другими прежде самостоятельными предприятиями в комбинат вошел и Высокогорский рудник. И вот с ним пока что-то не ладится.

Лента на аглофабрике стояла семьдесят минут. Домны недополучили большую порцию сырья. Значит, нехватка будет и у мартеновцев, а они и так жалуются, что мало получают жидкого чугуна. Нарушится ритм блюминга, рельсо-балочного стана. Своеобразная «цепная реакция». А ведь этого можно было бы избежать, работай горняки в одном темпе с металлургами. ...Как это характерно для Николаева: «собственными силами»...

Захаров вспоминает встречи, споры с Николаевым. Они давно знакомы. Николаев — высококвалифицированный инженер, человек с большим чувством собственного достоинства. Таких людей всегда уважаешь. И все же возникает опасение: не мешает ли Николаеву узко понятая производственная гордость найти поскорее новый ритм работы, обрести ту новую деловую хватку, которой властно требует изменившаяся в промышленности обстановка?

Кто-кто, а Николаев-то должен хорошо знать, к чему привело прежнее управление по «вертикали». Не только Высокогорский рудник — вся рудная база уральской металлургии переживала зимой серьезнейшие трудности. Дело доходило до того, что хоть останавливай домны... И диво ли?

Руководители министерства и главка все внимание уделяли пуску новых печей, а о рудничном хозяйстве забывали. «Трагедия руды» — это ведь твои слова, Сергей Иванович!

Высокогорский рудник, который в войну геройски обеспечивал сырьем всех тагильских мастеров металла («Мастерами из Тагила фашистам вырыта могила!»), Высокогорский рудник, который за пять последних лет столько накопал руды, сколько добыли за двести,— этот рудник испытывал нужду в самом необходимом. Обидно было за горняков: простого кабеля не хватало у них, чтобы осветить выработки. По всякому пустяку (кабель или бандажи) приходилось Николаеву сначала писать бумагу в Москву, потом ждать ответа, потом посылать специального уполномоченного, чтобы «вырвать» этот злосчастный кабель или бандажи.

Захаров тогда работал директором Ново-Тагильского металлургического завода. Соседями были. Мог, конечно, легко помочь Николаеву и кабелем, и бандажами, и прочим, но такова уж была система, что расположенные в пяти километрах друг от друга предприятия, принадлежавшие разным главкам, оказывались словно оторванными на тысячи километров. Шестерни для электровозов Горы Высокой отливали на «Электростали» под Москвой, нарезали в Магнитогорске, а распрессовывали в Кушве.

Сейчас, когда создали комбинат, когда механические и литейные цеха металлургического завода выполняют для рудника все заказы, Николаеву стало куда легче работать. «Трагедия руды» кончается. Так почему же он... как бы обособляется, почему все еще не чувствует себя в комбинате?

Разделяя тревожное недоумение руководителя комбината, я поехал на Высокогорский рудник и разыскал инженера Николаева.

Мне протянул руку корректный человек в фуражке горного инженера.

Да, были срывы с подачей домнам агломерата. Меры уже приняты. Но металлурги не должны строить иллюзий. Рудник не завод. Мартеновскую печь нельзя сравнить с шахтой или с карьером. Четкий график в горном цехе не так просто внедрить.

Мы стояли с Николаевым у бровки гигантского карьера. Справа величавыми ярусами уходили в глубину отработанные

Нижне-Тагильский металлургический комбинат.

уступы. Слева щетинился осыпями ржавый с зеленоватыми вкраплениями сиенитов склон горы. Он чернел воронками, словно здесь рвались тяжелые артиллерийские снаряды.

— Подземные работы подошли к границам карьера. Воронки — это зона обрушения. Понимаете, как нам трудно? Некоторые ученые считали, что сочетать подземные работы с открытыми невозможно и что в 1957 году добыча руды прекратится. Но мы работаем. Даем пищу домнам и мартенам! Мы рискуем, ищем. Вот задумали еще одну шахту пройти. А иные товарищи металлурги считают так: «Сталь варить — это искусство, а руда — что же, ее всегда накопают».

— Что, и Захаров так считает?

— Сказать откровенно? Вначале было у меня такое настроение, что, может, лучше подавать в отставку. Рассказываю Захарову о своих опасениях, о специфике нашего горного дела, а он: «Опять Высокогорский рудник ершится! Не с открытым сердцем идете в комбинат»,— и другие обвинения. Через мою голову вызывали в кабинет горных инженеров. Меняли посты охраны, не посоветовавшись со мной. А вы знаете, у нас на руднике условия особые: здесь много взрывчатки, и охрана нужна усиленная. Теперь-то все эти недоразумения идут к концу. Мы не вошли еще в новый ритм, это правда. Не сразу такие дела делаются, Захаров должен понять... Плюс Захарова в том, что не кабинетный он человек. Приехал ко мне: «Давай в шахту полезем». Полезли... «Как ноги?» — спрашиваю. «Ноги-то ничего, а вот хозяйство у вас здорово хромает, товарищ Николаев». И добавляет: «Давайте вместе на чугун будем работать. Раньше было так: вы, горняки, работали на руду, коксовики — на кокс и так далее, а теперь все вместе на одно должны работать — на чугун, на то, чтобы страна больше получала от нас металла. Согласны?» И назавтра прислал строителей, чтобы начали подготовку к скоростной проходке ствола новой шахты.

Слушая этот рассказ, я думаю о том, что перестройка управления промышленностью означает и большую перестройку человеческих отношений, которые складываются на производстве. И она, эта вторая перестройка, быть может, не менее важна, чем первая.

Вероятно, обиды Николаева имели основания. Наверно, Захаров способен иногда сгоряча хватить через край. Это задевает самолюбие опытного горного инженера, привыкшего чувствовать себя хозяином на своем предприятии. Да, это так. И все же Николаев еще не сразу перенимает то ценное, что есть в подходе Захарова к производственным делам: острое чувство времени, смелая хозяйственная инициатива. А она иногда развязывает самые, казалось бы, тугие узлы.

Убедительный тому пример — история с транспортировкой кокса к домнам старого завода, который так же, как Высокогорский рудник, вошел теперь в комбинат.

Рассказал мне эту историю потомственный тагильский металлург, обер-мастер доменного цеха Семен Иванович Дементьев — сухонький, поджарый, с темнорыжими густыми усами.

Встреча с Дементьевым напомнила мне один характерный эпизод.

Как и все тагильцы, люди старого завода вышли на первомайскую демонстрацию принаряженные, многие при орденах, с алыми бантиками в петлицах, с ребятами, державшими за ниточку розовые и желтые шары. Радовались люди и щедрой ласке солнца и простору новой площади, украшенной изваянием их земляков-однозаводцев — знаменитых Черепановых. И в то же время словно некая тень пробегала по лицам доменщиков, сталеваров и прокатчиков.

Там, у трибуны, вспыхивало «ура», радостным многоголосым гулом откликались колонны на приветствия. Репродукторы разносили имена уважаемых, заслуженных заводских коллективов.

— А нам-то как крикнут? — невесело спросил пожилой доменщик у шагавшего рядом товарища по цеху, такого же ветерана производства.— Имя теперь есть у нас или нет?

— Сам не пойму, кто мы теперь такие: то ли завод, то ли так — сбоку припека...

Колонна сравнялась с трибуной. И вдруг прозвучали слова, заставившие дрогнуть в доброй улыбке щеки, опаленные жаром печей, заискриться суровые глаза.

— Привет коллективу старейших металлургов Нижне-Тагильского комбината!

Дементьев живет на Гальяновке — отдаленной рабочей слободке, где издавна селились те, кто «робил в заводе». Горняки селились в другом конце. Весь Тагил был поделен на подобные «концы». Одна из улиц и сейчас еще называется Пограничной.

Я смотрел на темные деревянные дома с побеленными известью торцами бревен, на лавочки у ворот, на поросшие травкой края канав и думал о живучести прошлого.

Еще Мамин-Сибиряк описывал «концы», подобные Гальяновке. Годы революции и строительства социализма перечеркнули прежнюю разобщенность районов в уральских городах. И все же следы ее еще остались. Это видно в Тагиле. Та отвергнутая ныне жизнью ведомственность в управлении промышленностью, которая сдерживала выявление новых богатейших резервов производительных сил,— эта ведомственность закрепляла пестроту и клочковатость в облике города. Великолепные кварталы новых каменных домов, а потом пустырь, а потом бревенчатые хибарки — и вдруг опять современные светлые, многооконные здания. Почему так получалось? Да потому, что каждый директор строил только для своего предприятия. Силы и средства распылялись.

Когда я спросил Семена Ивановича о думах и чувствах ветеранов завода, не ущемлена ли их рабочая гордость тем, что отныне история двухсоттридцатилетнего завода как бы обрывается, он неожиданно задал встречный вопрос:

— А ты, милый человек, на коксовой эстакаде побывал? На рудном дворе?

И зло, резко, со всей прямотой рабочего человека заговорил о совсем недавнем. О том, как губили сырье на эстакаде. Кокс сваливали не в бункера, а прямо на землю, и он измельчался, распылялся. Почему на землю? Да потому, что вагоны под кокс подавались не свои, заводские, а эмпэзсовские: не всегда их получишь вовремя, а когда получишь,— гони поскорее, освобождай, иначе штраф. То целыми горами накапливали кокс, а то... лопатками выгребали из-под опор эстакады остатки.

Директор Нижне-Тагильского металлургического комбината Анатолий Федорович Захаров (справа) и управляющий Высокогорским железным рудником Сергей Иванович Николаев.

Фото И. Тюфякова.

Повстречался как-то Семену Ивановичу Захаров (старик давно его знал).

— Анатолий Федорович, долго еще так мучиться будем? —И рассказал о потерях на коксовой эстакаде.

— Да, верно, с этой кустарщиной кончать пора. Подумаем, Семен Иванович. Может, «вертушку» пустить, как считаешь? А за подсказ спасибо тебе.

На заводском языке «вертушкой» называют такой состав, который движется по одному, строго определенному маршруту: туда и обратно, то есть как бы вертится. Раньше, в министерскую и главковскую пору, потребовалось бы исписать гору бумаги, чтобы получить разрешение пустить такую вот «вертушку». Управление комбинатом решило вопрос в два дня.

Я видел то, что наполнило радостным удовлетворением сердце старого заводского патриота Семена Ивановича Дементьева. И не только его одного.

Летнее солнце заливало заводской двор. Шумела вода у плотины, свежей белизной отливали стены стародавних построек, как бы напоминая всем: «А мы еще в старики не записываемся».

Над ширью пруда вознеслась насыпь. Сюда, к коксовой эстакаде, равномерно подходили насыпанные доверху пищей для домен вагоны «вертушки». Они аккуратно высыпали свой груз в бункера.

За три недели уменьшили потери кокса на пятьсот тонн. Но не это главное. Самое главное — ритм.

Ровнее, ритмичнее стали работать и печи. Известняк, шихта — они теперь даются кусочек к кусочку.

Инженер Владимир Дмитриевич Кузнецов (он работает в одном цехе с Дементьевым), спокойный, немногословный, точный во всем человек, сверяясь с записями в своей книжечке, испещренной цифрами, рассказывает о первых результатах работы по-новому.

Месяц был неплохой: выполнили план по всему металлургическому циклу. Но бить в литавры пока еще рано. На прежних предприятиях управленцев подсократили, но многие из них перекочевали в отделы управления комбинатом. Тех же щей, да пожиже влей. И хотя объединение рудников и заводов произошло, но настоящей слаженной, дружной работы всех звеньев производственного комплекса пока еще нет.

Все зависит теперь от руководителей, от организаторов производства. Так говорят в цехах.

Больше, чем когда-либо, нужны теперь руководителям крепкие связи с массами и широкий государственный кругозор. Пусть почаще советуются с народом. Кадровые рабочие подскажут немало дельных мыслей хотя бы тому же инженеру Николаеву, который ищет ключ к ритмичной пульсации рудника, как старый мастер подсказал директору, когда решался вопрос о транспортировке кокса.

...Поздно вечером вышел я из проходных ворот старого завода и остановился в скверике перед памятником Ленину.

Это был один из первых памятников Ильичу. Тагильские рабочие открыли его в день восьмой годовщины Октябрьской революции.

Земной шар, а на нем фигура Ленина с призывно протянутой рукой. Шар покоится на книгах. Раскрытые книги образуют пьедестал памятника. И я вспомнил обо всем, что слышал сегодня в цехах, читая начертанные на гранитных скрижалях бессмертные ленинские слова:

«...Государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

Внутри Африки

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Там, где веселился бог

В районах экватора приближался период дождей. Очень хотелось попасть туда до того, как яростные тропические ливни сделают дороги непроходимыми. Но получить разрешение на поездку оказалось не так просто. Истекала уже вторая неделя с того дня, как были поданы соответствующие бумаги, но ответа все не было. «Ничего не поделаешь, бюрократизм!» — весело смеялся г-н Латаф, заместитель министра внутренних дел Судана.

Мне оставалось утешиться воспоминанием о том, что в свое время русский исследователь Африки В. В. Юнкер, добравшись до Хартума, прожил здесь несколько месяцев, ожидая разрешения хедива продолжать путь на юг. Дело, однако, было не в бюрократизме. Сказывались отголоски былого управления колонизаторов: видимо, иностранные советники не советовали...

Секретарь народно-демократической партии трех южных провинций Амин Акаша, давая мне рекомендательные письма к родственникам и друзьям на юге, говорил:

— Имейте в виду, что южные провинции до недавнего времени, при власти англичан, были запретной зоной, отрезанной не только от внешнего мира, но и от остальной части Судана. Здешний житель мог купить билет на самолет и лететь куда угодно — в Европу или в Америку. Но он не мог отправиться в экваториальные районы своей же страны. Англичане всячески старались оторвать юг от севера. Они понимали, что рано или поздно им придется оставить Судан, но его экваториальные, южные провинции они надеялись присоединить к своим колониям Уганде и Кении.

Акаша рассказывал о том, как колонизаторы всячески старались натравить жителей верховьев Нила — нилотов — на северян, искусственно вызвать между ними вражду и недоверие.

— Там еще немало осталось верных слуг колонизаторов,— сказал Акаша в заключение.— Вы, очевидно, слышали о недавнем восстании в одной из частей экваториального корпуса суданской армии. Действия мятежников были явно инспирированы врагами независимости страны, и народ их не поддержал. Будьте осторожны на юге. Там много необычного. Вспомните пословицу: «Когда Аллах создавал Судан, он смеялся!..»

Эту старую арабскую пословицу я уже слышал здесь. Смысл ее в том, что в порыве веселья бог создал страну многоликую и во многом противоречивую, раскинувшуюся почти от тропика Рака до экватора. Веселящийся бог пренебрег гармонией, поэтому здесь огромные пространства, жаждущие хоть капли влаги, соседствуют с целыми областями, залитыми водой, безжизненные пустыни сменяются буйными зарослями тропического леса с диковинными животными и птицами.

Провинция Верхний Нил

Наконец разрешение было получено, печати поставлены, и первым же самолетом я вылетел в Малакаль — центр провинции Верхний Нил. Почти все время мы летели над огненно-желтой саванной, по которой стаями бежали темно-зеленые деревья. Через три часа самолет приземлился на небольшом малакальском аэродроме. И первое, что я увидел, была толпа черных людей, совершенно голых или обвязанных лоскутом ткани. Они трудились здесь, расширяя взлетную площадку. Опершись на копья, они с любопытством разглядывали сверкающую машину. Современный самолет — и доисторическое копье...

На аэродроме ко мне подошел очень высокий и сухой человек в тропической форме. Пробковый шлем его был отделан золотой каймой и султаном страусовых перьев, окрашенных в фиолетовый цвет. Он отличался от окружающих более светлым цветом кожи. На худом его лице выделялся крупный нос, слегка похожий на большую недозревшую клубнику. Не выпуская из зубов трубки, он осведомился, не я ли некий доктор из Ливерпуля. Мужчина оказался заместителем губернатора провинции. Ему позвонили из Хартума, что кто-то едет, но по радиотелефону слышно было плохо, и он толком не разобрал. Не обнаружив доктора, он повез меня к маленькой гостинице, построенной для приезжих близ аэродрома. Это было очень любезно с его стороны. Но, к сожалению, потом, очевидно по каким-то политическим соображениям, он чинил мне немало препятствий: не разрешал посещать деревни, фотографировать и т. д.

— Что вы, что вы! — говорил он при этом.— Я разрешаю вам больше, чем другим.

Губернатор был назначен сюда недавно и почти все время проводил в разъездах по провинции. Чтоб его повидать, нужно было торопиться. Все вокруг дышало лютым зноем, и надетый по случаю официального визита галстук причинял немалые страдания.

Губернатор Халиль Мухаммед Сабир в свое время окончил Гордон-колледж в Хартуме и курсы администраторов. Сам он родом из провинции Кордофан, знаменитой своим гуммиарабиком.

Он сообщил мне общие сведения о провинции Верхний Нил. Кроме стоящего во главе ее губернатора, в каждом округе имеется полицейский комиссар, а в его подчинении — полицейские силы и несколько чиновников на местах. Задача чиновников — следить за порядком и сбором налогов, они же назначают наказания за мелкие преступления. Более крупные дела рассматривает окружной комиссар, который представляет правительство в своем округе.

В провинции живут многочисленные племена нилотов, главные из которых шиллуки, динка, нуэры. Они преимущественно скотоводы, но промышляют также охотой и занимаются примитивным земледелием. Племена управляются вождями, которые разрешают все споры внутри племени. Но если возникает конфликт между племенами, дело разбирает собрание вождей. Свое решение они передают губернатору, который должен его утвердить.

Я попросил губернатора рассказать о перспективах развития провинции.

— Возможности здесь большие, — ответил он, — но нужны крупные капиталы, которыми сейчас республика не располагает... В северных районах мы начинаем культивировать хлопок, правда, пока в небольших масштабах. Сделаны опытные посевы риса и пшеницы. Они свидетельствуют, что рис здесь растет хорошо.

Губернатор добавил, что скотоводство в районе чрезвычайно малопродуктивное, поэтому предполагается улучшить породность животных, создать несколько ветеринарных пунктов.

Я спросил моего собеседника о школах.

— Школ в провинции мало, и большинство их находится в руках католических миссионеров, — сказал Халиль Мухаммед Сабир. — Сейчас правительство берет эти школы в свое ведение. Строительство новых учебных заведений ограничивается многочисленностью других нужд страны. Но есть уверенность, что в будущем году удастся построить еще две школы.

Нам досталось очень тяжелое наследство от прежнего режима, — сказал губернатор, заканчивая беседу.

Малакаль

Солнце висит прямо над головой и обливает землю свирепым жаром. Густой, будто сотканный из золотистого волокна воздух насыщен ослепительным светом — трудно смотреть. Мы укрылись под плотной кроной смоковницы. Тень от нее образует почти правильный круг, из центра которого поднимается могучий ствол в три обхвата. Хотя сюда и не проникают прямые лучи, но малейшее движение воздуха обдает зноем; кажется временами, что открывают заслонку гигантской топки.

— Вот здесь он кинулся в воду и переплыл на ту сторону,— говорит Киши, кивая на реку перед нами. Вода, мутная вблизи, блестит в отдалении полированной сталью.

Киши здесь родился и вырос. Но отец его, мелкий купец,— выходец с севера. Он был из племени баккара и оставил в наслед-

---

См. «Огонек» № 28.

ство сыну шоколадную кожу, круглое скуластое лицо и маленькие, но чрезвычайно подвижные и сверкающие, как антрацит, глаза. Киши держит на рынке небольшое фотоателье, снимает купцов, чиновников и полицейских. Одновременно он корреспондент одной хартумской газеты и регулярно посылает в нее сообщения о жизни провинции Верхний Нил. Сейчас он рассказывал мне о том, как в Малакаль вторглись дикие слоны. Это произошло два года назад.

Охотники из племени шиллуков увидели близ города стадо слонов. Загудели роговые трубы, созывая мужчин на охоту. Большими группами, человек по тридцать, шиллуки с разных сторон подбегали вплотную к громадному зверю, метали в него копья и столь же стремительно отбегали назад. Разъяренный слон, размахивая огромными ушами, роя бивнями землю, кидался из стороны в сторону — и горе охотнику, если он замешкался! За первой группой нападала вторая, третья. И так до тех пор, пока исполинское животное, утыканное копьями, истекающее кровью, не рушилось на землю.

Шиллуки отбили от стада нескольких животных и стали их преследовать. Слоны пошли вдоль берега Нила прямо в город, руша все на своем пути, и учинили в городе немалый переполох. Беспорядочные выстрелы полицейских не причинили им заметного вреда. Одного великана шиллуки добили перед гостиницей. Второй забрался в губернаторский сад, но, выйдя оттуда, был свален выстрелами из крупнокалиберных винтовок. Третий кинулся в воду. Самый лучший пловец из всех четвероногих, слон легко переплыл Нил и укрылся в пальмовой роще на том берегу. Люди видели, как он там терся боками о стволы пальм, счищая копья, пучками торчавшие из его тела. Там его настигли шиллуки и добили.

Высокий пологий берег перед нами густо кишел народом. То и дело приставали длинные узкие лодки, похожие на большие иглы, прошивающие серый шелк реки. Подплывали своеобразные плоты из амбача: тонкие концы стволов связаны пучком и загнуты кверху, а толстые образуют площадку. Все сооружение напоминает широкую лыжу. Вот на большом плоту подплыли шесть человек с козой. Когда все вышли на берег, хозяин легко поднял огромный плот и положил его сушиться на солнце. Амбач — самое легкое дерево, оно сказочно быстро растет на болотах. Шиллуки и нуэры делают из него плоты. Однако такой плот нужно часто вытаскивать на берег для просушки: пористая, как губка, ткань дерева быстро впитывает воду.

Оставив на берегу лодки и плоты, люди спешили на базар. Многие несли огромных нильских сомов, другие — дичь, шкуры животных, охапки дров, древесный уголь. Те, что уже вернулись с базара, лежали на пыльной земле, многие мужчины и женщины курили трубки с очень длинными тростниковыми мундштуками. Одеждой большинству служил простой лоскут ткани, концы которого связаны узлом на правом плече. Этот наряд лишь слегка прикрывал матово-черные мускулистые тела.

Киши учил меня различать племена. У шиллуков обязательно от уха до уха над бровями идет своеобразная татуировка — линия бугорков, напоминающих крупные бородавки. У нуэров на лбу несколько параллельных шрамов. Специальный оператор делает восемь глубоких и длинных, через весь лоб, надрезов. Эта операция сопровождается различными ритуальными церемониями и завершается праздником: очередная группа подростков племени становится мужчинами. Мужчины вооружены копьями и метательными палицами, у многих щиты из толстой кожи буйволов и бегемотов. Все это — оружие для защиты от диких зверей и недругов.

Киши увидел знакомого шиллука, которого звали Чел, и помог мне поговорить с ним. Чел нес на базар двух диких цесарок. Он рассказал, что убил их этой самой палицей, что торчала у него под мышкой. Я взял полуметровую палицу в руки и подивился ее тяжести. Слегка искривленная, с заостренными концами, палка казалась отлитой из железа. С удивительной ловкостью, на значительном расстоянии нилоты поражают птиц и мелких животных этим простым куском дерева.

Полуголый Чел носил, однако, на голове складной, на пружинах цилиндр, сильно выгоревший на солнце и ставший пепельным. В связи с этим мне вспомнилась одна история.

Года два назад в Женеве мне показали солидный магазин мужской одежды и рассказали историю его владельца. Предприимчивый, но безденежный делец прочел однажды объявление, что некая фирма продает за бесценок большую партию цилиндров, так называемых шапокляков, вышедших из моды в Европе. Раздобыв взаймы немного деньжат, он скупил этот товар на вес и отправился с ним в экваториальную Африку. Там он подарил по цилиндру вождям и старшинам племен и, создав таким образом своему товару рекламу, ловко обобрал доверчивых людей. А возвратившись в Женеву, стал владельцем крупного магазина.

Мне не удалось выяснить происхождение цилиндра Чела, но он с восторгом стал мне демонстрировать, как складывается тарелочкой и выпрямляется его головной убор. Чел предпочитал носить цилиндр в сложенном виде, для чего приспособил специальные веревочки...

Киши вспомнил, что не так давно в эти места прибыл некий итальянец, распродал партию тронутых молью шляп. К каждой шляпе он приклеил небольшое зеркальце. Киши видел, как один нуэр купил такую шляпу за несколько крокодиловых кож.

Мне много раз доводилось слышать рассказы о подобных набегах цивилизованных жуликов, которые пришли на смену облавам работорговцев. Ныне республиканские власти начали борьбу с этими разбойниками от коммерции.

Мы пошли вдоль набережной, где стоят приземистые каменные здания: канцелярия губернатора, полицейское управление, почта, контора и склад пароходной компании, госпиталь. Против резиденции губернатора в тени большого дерева сидел на кованом сундуке солдат с ружьем. Вокруг него человек тридцать нилотов. Это были вожди племен. Чиновник в форме и пробковом шлеме с султаном, сидя за раскладным столиком, принимал от них налог — деньги или квитанции о сданном скоте. Все это он складывал в сундук. Вожди внешне ничем не отличались от своих соплеменников, разве лишь несколько большим количеством украшений.

Административные здания, лавки купцов и большая новая мечеть образуют центр города. Его окружает множество тукулей — типичных жилищ Центральной Африки: сплетенная из ветвей и обмазанная глиной, совершенно круглая стена, увенчанная высоким конусом соломенной крыши. Дыра в стене служит входом, окон нет. Верхушка тукуля иногда украшена рогами антилопы.

На базаре мы встретили пятидесятилетнего человека в белой чалме по имени Авот Биляля. Это был омда — глава города. Омда пока назначается губернатором, но в дальнейшем эта должность станет выборной. Биляль уже восемнадцать лет состоит в ней и уверен, что его выберут и в будущем. Одновременно он купец и арендатор. Омда сообщил, что недавно благоустроен рынок — сооружены навесы, защищающие людей от ливней и солнца. Открыта новая школа. Сколько жителей в городе, точно неизвестно, но считается, что их пятнадцать тысяч.

Свет в джунглях

— Что вы еще хотите посмотреть в Малакале? — спросил меня окружной полицейский комиссар Абдуллах, добродушный толстый человек. Он имеет средний административный чин и поэтому зовется мамуром.

Я хотел узнать, что появилось нового в центре провинции.

— Хорошо, — сказал мамур. — Я покажу вам новую школу, тюрьму и дома для полицейских. — Очевидно, уловив что-то на моем лице, он пояснил: — Правительство строит дома только для государственных служащих. Раньше англичане строили их круглыми, без окон — точное подобие тукулей, но с каменными стенами и железной крышей. Мы строим дома нового типа. Они одновременно служат образцом и для других жителей города.

Тюрьму мы осматривать не стали, но дома для полицейских — действительно новое явление в городке. Целая улица опрятных коттеджей с балконами выросла рядом с примитивными тукулями.

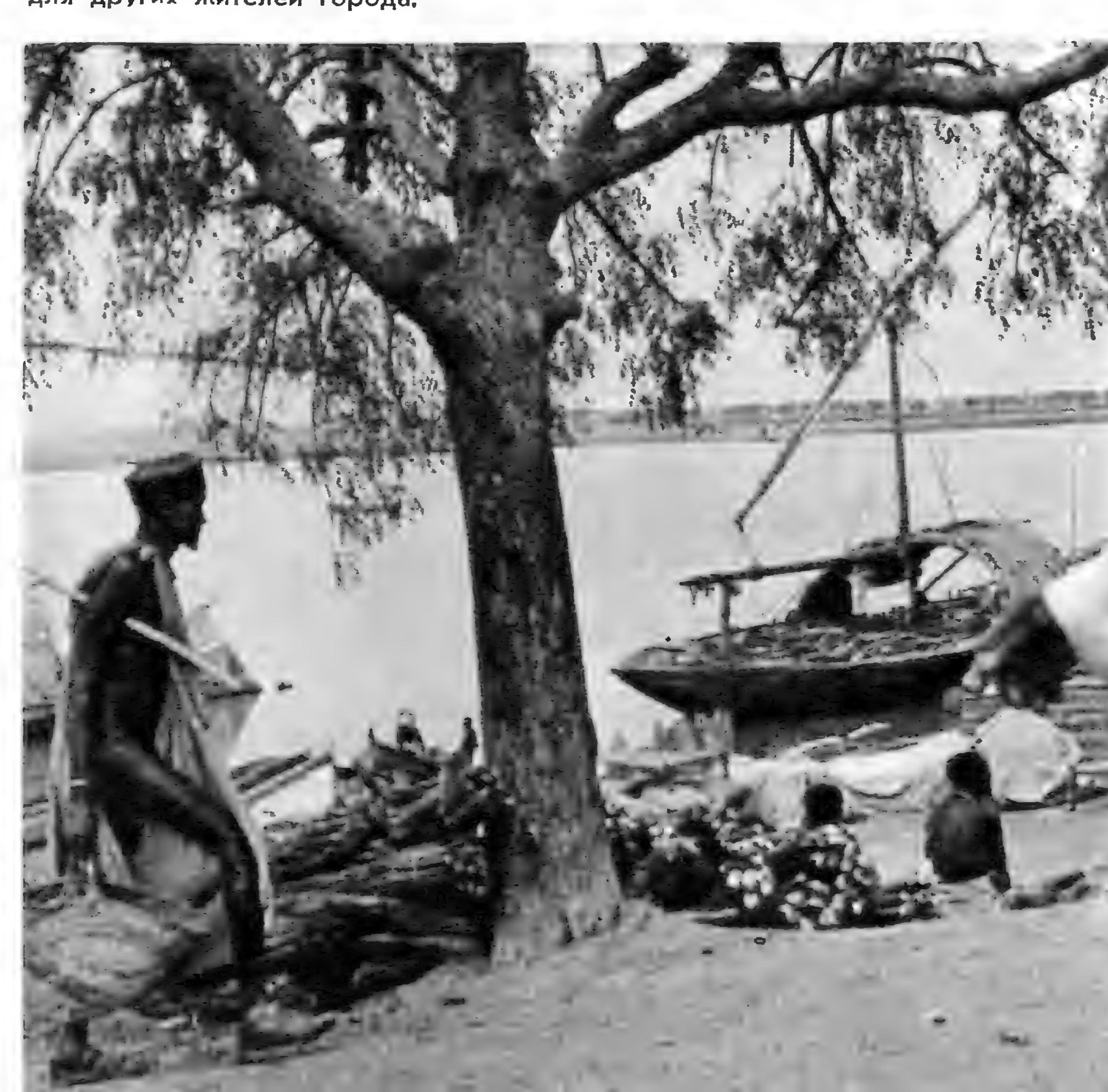
Школа находилась на окраине городка: несколько новых одноэтажных строений, обнесенных проволочной оградой. Директор Ахмет Муса Ягуб провел меня по классам, в которых занимались сто семьдесят мальчиков. Судя по знакам на их лицах, здесь были дети многих племен: нуэры, шиллуки, динка. Школа второй ступени; кончив ее, ребята станут учителями, будут учить грамоте своих собратьев по племенам.

Достаточно посмотреть на этих детей, с таким усердием припавших к роднику знания, чтобы понять, каким злым вздором и гнусной клеветой являются утверждения колонизаторов об «умственной ограниченности» нилотов и их неспособности к образованию.

Вчера, рассказывал учитель, к нему пришли семь мальчиков племени динка. Они смогли окончить лишь школу первой ступени. Дети спрашивали, когда будет новая школа, чтоб они смогли продолжать учиться. Естественное стремление к совершенствованию, к свету пробудилось у этих племен, которых колонизаторы умышленно удерживали в темноте и невежестве. При английском господстве в Южном Судане лишь полпроцента населения умели читать и писать — это были чиновники, купцы, офицеры.

В тот же день вечером мне довелось познакомиться с Родуаном, служащим губернаторской канцелярии. Он родом из племени динка и рано потерял своего отца, который был агентом одного купца-северянина. Отец с группой носильщиков возвращался из очередного похода с товарами. В середине дня они прилегли отдохнуть на опушке небольшого леса. На беду, поблизости проходило семейство слонов. Они почуяли людей, заревели и устремились к спящим. Носильщики проснулись и кинулись наутек. Но у отца Родуана болели уши. Он услышал рев слишком поздно.

Пристань в Малакале.

Родуан.

Страшные звери настигли его, хоботами разорвали в клочья и затоптали ногами.

Купец употребил отцовскую долю средств, чтобы дать Родуану образование: послал его в начальную, а затем и в среднюю школу. Недавно Родуан сдал специальный экзамен на административную службу и получил должность в своем родном городке.

Мы несколько раз подолгу беседовали с Родуаном, который немало рассказал мне о природе родного края, обычаях и быте здешних племен. Он много читает, знает мир и верит в светлое будущее своего народа.

— Все люди на земле должны и будут жить культурно и счастливо, — сказал этот интеллигентный человек из племени динка.

Крокодилы Собата

Нуэр Лок отказался взять меня с собой на охоту за крокодилами, но не потому, что оберегал какие-то секреты своего дела.

— Лок говорит,— переводил мне учитель миссионерской школы, который приехал сюда со мной,— что на охоту они выходят втроем и в лодку нельзя взять еще одного человека, тем более двух. Лодка утонет. Кроме того, на промысел они идут ночью, когда темно.

Мы стояли на берегу Собата, спокойная вода реки напоминала светло-серый атлас. Лок, высокий, стройный, с длинными руками и ногами и отлично развитой мускулатурой, казалось, был изваян из черного мрамора. Этнографы утверждают, что жители верховьев Нила имеют самую черную кожу среди населения земли. Лок стоял на одной ноге, уперев ступню другой в колено той, на которой стоял. Это излюбленная и весьма характерная поза всех местных жителей — нилотов.

— Лок говорит, что сейчас можно увидеть крокодилов. Но для этого нужно плыть вниз, к отмели,— переводил учитель.

Мы стали размещаться в лодке Лока. Челнок был сделан из большого ствола пальмы, которая по-арабски называется «дулеб». Концы бревна заострены, а сердцевина выдолблена. Откровенно говоря, когда мы плыли, я боялся протянуть руку в сторону: казалось, от одного этого движения челнок обязательно перевернется. Но Лок вел себя совершенно свободно. Он греб небольшим широким веслом, иногда вставал, осматривая заросшие папирусом берега, даже делал шаги, и при этом челнок каким-то невероятным образом не переворачивался.

Лок — один из самых искусных и удачливых охотников на Собате — не спеша рассказывал, как осуществляется этот промысел.

Он охотится новейшим способом — с применением электрического фонаря. Главное оружие охоты — специальное большое копье. Его наконечник имеет вид гарпуна: вонзив в тело крокодила, его уже нельзя вытащить. Наконечник надет на древко, но не закреплен, а свободно снимается. К наконечнику привязан прочный канат метров десяти длиной, который заканчивается большим поплавком — связкой амбача. Когда стемнеет, три охотника садятся в челнок и плывут вдоль берега. Один тихо-тихо, без всплесков, гребет, второй стоит посредине с копьем, третий сидит на носу с карманным электрическим фонариком. Стекло фонаря охотники обклеивают кожей так, чтобы он давал лишь очень узенький луч света.

Вечером крокодилы обычно поднимаются на поверхность и неподвижно лежат на воде. Заметив хищника, охотник направляет луч прямо в глаз зверю и все время держит фонарь так, пока лодка приближается. Это так завораживает крокодила, что дает возможность охотникам приблизиться к нему буквально вплотную.

— Почему? Крокодила ослепляет свет?

— Нет,— ответил Лок.— Ему просто интересно знать, что это такое.

Когда лодка приблизится, охотник с силой вонзает копье под переднюю лапу крокодила. Лок особенно подчеркивал, что нужно бить именно под переднюю лапу, все равно — правую или левую, только обязательно под переднюю, но я так и не понял, почему именно. Взбешенный хищник бьется под водой, мечется, истекает кровью. При этом он заглатывает много воды. Именно этому обстоятельству Лок приписывает главное действие, ибо крокодил, как он говорит, никогда воды не пьет.

Древко остается в руках нуэра, канат с поплавком быстро выбрасывают в воду: если замешкаешься, крокодил перевернет лодку. После этого охотники ждут примерно четверть часа, следя за поплавком. Когда зверь достаточно обессилел, его за канат вытаскивают на берег и добивают ударами тяжелых палок по затылку. Кожу сдирают, мясо идет в пищу. Лок считает, что хребтовина — самая вкусная часть крокодила. Кожи продаются купцам.

Комиссар в Малакале рассказывал мне, что в прошлом году нуэры, живущие на берегах Собата, продали купцам более десяти тысяч крокодиловых кож.

Я спросил у Лока, зачем купцам эта кожа, но он не знал. Он сказал, что купцы ценят лишь кожу с брюха.

Вдруг Лок приложил пальцы к губам и стал показывать на берег, густо заросший папирусом. Некоторое время я ничего не мог разобрать, но потом увидел огромную пасть. Ничего больше, только пасть торчала из зарослей. Она была направлена прямо на лодку и поэтому казалась круглой и страшной. Едва я успел догадаться, что это крокодил, пасть мгновенно и бесшумно скрылась, лишь зонтики папируса, похожего на гигантский укроп, шевелились в одном месте.

— Лок говорит, что это очень большой крокодил, и Лок вечером приплывет сюда, чтоб сразиться с ним, — сказал учитель.

А я почему-то вспомнил рассказ об одном суданском солдате. Он в лодке ловил удочкой рыбу посредине реки. Вынырнувший крокодил в одно мгновение стащил его в воду. Люди на берегу даже не успели вскрикнуть. В связи с этим я деликатно осведомился, не угрожает ли и нам сейчас нечто в этом роде.

Лок пояснил, что крокодил на суше очень труслив, но в воде ведет себя довольно нагло. При этом он очень хитер. Когда люди сидят в лодке или на берегу, говорил Лок, зверь видит тень. Если теней много, он не отважится нападать.

Я про себя подумал: «А что, если не все крокодилы в Собате так хитры и опытны?» От этого как-то сразу захотелось домой.

Вот Лок снова знаками потребовал тишины и показал рукой вперед. Метрах в тридцати от нас из воды показалась серо-зеленая отмель. Я на всякий случай прицелился фотоаппаратом. Вдруг отмель зашевелилась. Непривычный глаз только сейчас различил то, что Лок уже давно видел. На отмели лежали три крокодила: два больших и один маленький. Между ними прыгало несколько небольших белых птичек. Почуяв опасность, крокодилы не подняли, а, наоборот, прижали к земле свои длинные уродливые морды и тут же быстро и совершенно бесшумно скрылись в воде.

...Когда мы вернулись, Лок решил преподать мне полезный совет. Если тебя схватит крокодил, говорил он, старайся бить его по глазам. Это ему страшно неприятно, и он тогда либо открывает пасть, освобождая тебя из зубов, либо откусывает то, что уже держит зубами.

Я горячо поблагодарил за совет, надеясь им никогда не воспользоваться...

Малакальское кафе.

Купец, портняжка и штаны

Окружной полицейский комиссар мамур Абдуллах посоветовал:

— Вам стоит поговорить с купцом Обашером, главой здешних деловых кругов. Он самый богатый в Малакале купец из суданцев, представитель национального капитала.

Через несколько минут меня церемонно и радушно приветствовал Омар Обашер — старый, но совершенно прямой, как молодая пальма, человек в белоснежных одеждах, но босой. Седая, короткая и курчавая борода окаймляла его черное лицо. Возле мясистых губ и на щеках волосы были тщательно выщипаны. Из-под спутавшихся заиндевелых бровей смотрели цепкие глаза. Обашеру семьдесят лет. Старший сын его уже получил свою долю наследства и ведет дела самостоятельно, а младшей дочери, Сауд, еще только девять месяцев.

Мы разговаривали в помещении конторы, которое раньше было лавкой и чем-то напоминало гараж для одной машины. Голые стены, несколько самодельных приземистых кресел, деревянный диван, на земляном полу циновки. Стола не было.

Обашер охотно рассказывает о своих делах. Разумеется, теперь создались хорошие условия для предпринимателей. С 1947 года он просил у англичан разрешения создать хлопковую плантацию, но те под разными предлогами отказывали. А теперь он для этого дела получил от правительства заем в восемь тысяч суданских фунтов. Правда, денег этих недостаточно, чтобы освоить две с половиной тысячи акров земли, но у него самого есть капитал. Он купил моторную помпу, кое-какие сельскохозяйственные орудия. Плантация уже создана, в будущем году он надеется увеличить посевы хлопчатника вдвое.

— Это дело выгодное, — заключает купец.

Рассказывает он спокойно, с уверенностью человека, вышедшего на широкую дорогу. И чувствуется в нем какая-то пробудившаяся властная сила. Мне он чем-то напомнил горьковского Артамонова-отца, хотя, разумеется, внешне совсем не похож на него и живет в стране, столь отличной от России.

Сейчас Обашер строит первый в Малакале кинотеатр. Он давно хотел сделать это, но англичане ему категорически запретили.

ПО СУДАНУ

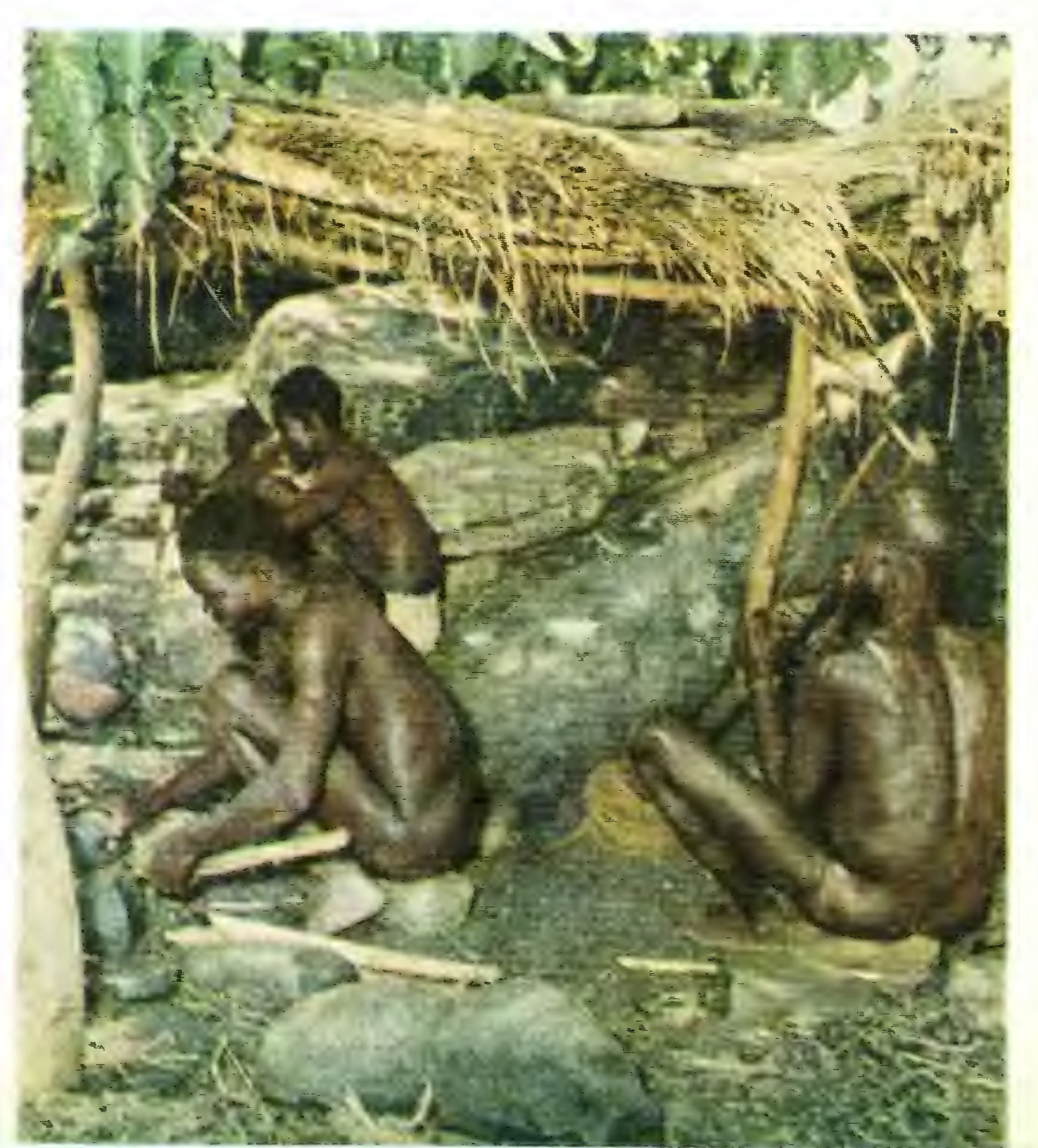
Фото Н. ДРАЧИНСКОГО.

Малакаль. Вожди племен платят налоги чиновнику.

Деревня Лулуба в Южном Судане.

Экваториальная провинция. Кузница в селе Оньяка.

Охотник племени мади трубит в рог амо, созывая людей на охоту.

Базарная площадь в городе Вад-Медани, центре провинции Гезира.
←

Школа в Малакале. Здесь учатся будущие педагоги.

— Почему?

— Английский губернатор сказал, что это зрелище будет развращать туземцев. Они не хотели, чтоб здешние люди видели другую жизнь.

Коммерческая смекалка подсказала Обашеру еще одно предприятие. Ныне, когда южные провинции перестали быть запретной зоной, когда расширяется их общение с внешним миром, местные племена должны быстро отучиться ходить голыми или обвязываться простым лоскутом ткани. Оценив конъюнктуру, купец устроил при магазине портняжную мастерскую, пока небольшую.

На улице в Малакале.

Переждав короткий плотный дождь — веселую смесь воды, солнца и воздуха, — мы с Родуаном пошли в мастерскую, которая находилась здесь же, на базаре. Под соломенным навесом, являвшим собой продолжение крыши, стояла ножная швейная машина. Молодой паренек, заправив лоскуты ткани, лихо строчил, а несколько почти нагих черных людей с любопытством и восторгом следили за его работой. Юного портняжку звали Ахют. Он служил в лавке Обашера на побегушках, но недавно купец велел ему и шиллуку Луалю обучиться работе на швейной машине. С тех пор нуэры из его деревни, как только случается им быть в городке на базаре — а случается это довольно часто,— непременно приходят поглядеть на Ахюта. Они часами сидят здесь и как зачарованные смотрят на эту фантастическую машину, которая два куска ткани сразу делает одним. Но самый большой восторг, конечно, вызывает сам Ахют. Ведь он совсем еще недавно прошел торжественный обряд посвящения в мужчины, после которого у него на лбу появилось несколько длинных бугристых шрамов от глубоких надрезов. И вот теперь Ахют так ловко командует этой стрекочущей штукой и сам сидит в коротких штанишках и рубашке, как белый!

Сегодня к Ахюту пришел его брат Атци. В Москве его назвали бы стилягой. Нилоты очень любят себя украшать, причем мужчины больше, нежели женщины. Однако Атци был уже явный щеголь. В правое ухо он вдел семь больших колец. Четыре ряда красных, белых и зеленых бус свисали на грудь да еще ожерелье из зубов диких животных, среди которых два львиных,— особая гордость. На руках от кисти до локтя блестели сплошные ряды тонких медных колец. Выше локтя — очень толстое кольцо из слоновой кости. На бедрах красовался цветастый пояс из пестрых бус. Такие же бусы украшали щиколотки. Рельефная татуировка покрывала плечи и грудь. Кроме того, пудрой из толченого красного камня он асимметрично раскрасил некоторые части своего тела: половину груди, плечо, колено. Волосы окрашены рыжей краской из глины и пальмового масла; от этого волосы, черные и курчавые прежде, стали огненными, прямыми и торчали устрашающе, как иголки дикобраза. Два пера какой-то птицы, развевавшиеся над головой, довершали наряд. Никаких других предметов туалета на нем не было.

— Люди очень хотят быть красивыми, это естественно, — говорил Родуан, глядя на Атци.— Но у разных людей разные понятия о красоте.

С этим разумным утверждением нельзя было не согласиться. Ведь носят же некоторые наши московские модницы блузки из совершенно прозрачного нейлона, сквозь который просвечивает белье, и всерьез считают, что это красиво.

Атци сегодня пришел сюда не только проведать родича. Купец велел Ахюту безвозмездно сшить для него короткие штаны, и Атци сейчас с любопытством глядел, как завершается работа. Получив обнову, он тут же ее надел, долго ощупывал ткань и смеялся. Очевидно, найдя штаны недостаточно красивыми, он отстегнул от своего пояса несколько маленьких бубенчиков и потребовал, чтобы Ахют прикрепил их к трусам. Лишь после этого, позвякивая бубенцами, он пошел через весь базар к своему челноку. Атци часто останавливался, осматривая на себе новые штаны, сработанные братом и подаренные расчетливым купцом во имя цивилизации и рекламы.

Так купец Обашер развернул свои дела, нуэр Ахют сделался мастеровым, а Атци стал носить штаны.

— Все это как будто прямо из курса политической экономии,— сказал я Родуану, когда мы возвращались...

На реке Пибор

По вечерам постояльцы гостиницы собирались на веранде. Здесь были окна от пола до потолка, а вместо стекол вставлены густые металлические сетки, как и во всех других окнах новых здешних домов. По внешней стороне сеток бегали радужные, как попугаи, ящерицы, садились какие-то крошечные птички и проворно выклевывали обильную летучую живность, застрявшую в металлических ячейках. На потолке вращались большие лопасти вентиляторов, вращались бешено, но прохладу распространяли скупо.

Сегодня здесь оказался новый постоялец — седой человек с трубкой. Две глубокие морщины скобками охватывали его тонкие губы. Он сидел за низким столиком вместе с англичанином, руководившим реконструкцией здешнего аэродрома. Инженер ходил в коротких штанишках, болтавшихся на его тонких журавлиных ногах. Когда он садился в кресло, казалось, будто складывается большой перочинный нож. На черством лице его выделялись светлые короткие усы, похожие на зубную щетку.

— Познакомьтесь, — сказал инженер. — Это доктор Олсен из медицинской экспедиции Объединенных Наций. Он только что прибыл с реки Пибор получить грузы для экспедиции.

Новые дома для полицейских и хижины нилотов в Малакале.

Врач вынул изо рта трубку и произнес полагающиеся в таких случаях слова.

— Вы знаете,— говорил инженер,— сегодня не пришел на работу один туземец. Оказалось, что вчера, когда он возвращался в свою деревню, на него прыгнул леопард. Он лежит тяжелораненый.

Служитель принес лед, содовую воду и маленькие плоские бутылочки виски с изображением белой лошади.

Если бы не красно-желто-зеленые ящерицы на окнах, можно было подумать, что и никакой черной Африки вокруг нет.

— Вы говорите о гибели одного человека, — сказал врач после некоторого молчания. — А я сейчас видел, как гибнет целое племя.

На реке Пибор живет племя морле. Совсем еще недавно это было сильное и многочисленное племя. Но у него были постоянные распри и стычки с «прежней администрацией», как выразился врач, не желая назвать колонизаторов своим именем. Сильные и храбрые охотники морле часто бунтовали, а сборы податей и налогов не всегда обходились без участия пулеметов.

Английские комиссары, управлявшие провинцией, возненавидели это беспокойное племя. Они всячески его притесняли. Оно подверглось своеобразной блокаде. Среди морле стали распространяться занесенные туда заразные болезни, и прежде всего венерические. Болезни стали хроническими и всеобщими. Многочисленное племя быстро редело. Сейчас морле осталось совсем мало.

Чтобы спасти племя от полного исчезновения, правительство Суданской республики обратилось за помощью в Организацию Объединенных Наций. Недавно сюда прибыла медицинская экспедиция.

— Морле — племя стариков. У них почти нет детей. Это ужасно! — взволнованно говорил врач.

Я спросил у него, каковы успехи экспедиции.

— Серьезных результатов пока нет. Мы ведь только начали работу. Очень трудно. Болезнями поражены, очевидно, все поголовно... Послушайте, сэр, — обратился врач к инженеру. — Ведь ваши соотечественники, служившие здесь, были люди цивилизованные. Они построили для себя среди тукулей эту приличную гостиницу, за тысячи миль привезли хороший шотландский виски. Ведь могли же они что-то сделать и для них! Ну, хотя бы своевременно послать врача с ящиком медикаментов, не дожидаясь, пока погибнут тысячи туземцев.

— Мне рассказывали, что это — очень трудное племя,— ответил инженер.

— Трудное... Но ведь налоги с них умели собирать? — Врач с подавленным раздражением выбил трубку. — Я теперь понимаю, почему туземцы в массе своей так враждебно и недоверчиво относятся к белым. Они видели от них одни несчастья.

— Но, но, доктор! Вы заражаетесь пропагандой коммунистов и забываете о цивилизаторской роли британцев в этой стране. Они боролись против работорговли. Смотрите, доктор, вы станете красным! — возразил англичанин.

— Когда я увидел морле, я позеленел, — проворчал врач...

Нуэры отправляются на охоту за крокодилами.

НОВАЯ ВСТРЕЧА С СУРИКОВЫМ

П. ЛЕБЕДЕВ,
директор Государственной Третьяковской галереи

Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1886 год.

В Третьяковской галерее в залах В. И. Сурикова выставлены недавно два его замечательных малоизвестных произведения: «Голова боярыни Морозовой» (этюд к знаменитой картине) и большое полотно «Посещение царевной женского монастыря».

Этюд головы боярыни Морозовой постоянно находится в личном собрании дочери гениального художника — Ольги Васильевны Кончаловской. До сих пор это произведение было мало знакомо широкому зрителю.

Суриков написал несколько этюдов головы Морозовой; один из них, относящийся к 1885 году, давно находится в экспозиции Третьяковской галереи. Вновь представленный в галерее этюд (размер 48,2 × 35,7 см), датированный художником 1886 годом, представляет собой подлинную жемчужину искусства, являясь самой выдающейся среди всех подготовительных работ художника к картине «Боярыня Морозова». По словам М. А. Волошина, одного из исследователей творчества гениального художника, Суриков сказал именно об этом изображении головы Морозовой: «Я как вставил ее в картину — она всех победила».

Перед нами глубочайшее художественное воплощение страстности, неустрашимости, убежденности в правоте своего дела. Поражает мастерство этюда, его пластическая цельность, общая теплота колорита при всей силе его темных тонов, что создает исключительную «действенность» живописи.

Картина В. И. Сурикова «Посещение царевной женского монастыря» (размер 1,400 × 2,002 м) принадлежит известному реставратору Анне Кондратьевне Крайтер. Последний раз зрители видели это произведение в 1912—1913 годах на выставке Союза русских художников в Москве, затем в Петербурге. Это замечательное полотно было приобретено реставратором-коллекционером Иваном Кондратьевичем Крайтером и сохранялось в его семье в Москве вплоть до настоящего времени. Установлено, что произведение это было задумано Суриковым еще в 90-х годах прошлого века, начал он работать над картиной в 1908-м и приступил непосредственно к написанию в 1910—1911 годах.

После появления картины на выставке пресса отмечала, что это произведение исполнено в характерной «чисто русской гамме». В одной из газет тогда было написано: «К картине «Посещение царевной женского монастыря» подходишь с надеждой и благоговением. И вот перед нами встают красавица-царевна и живой ряд монашенок—каждое лицо на свой образец. Впечатление цельное, правдивое и обаятельное. Есть еще порох в пороховнице у старого казака, жива еще казацкая сила. О технике письма не стоит и распространяться: Суриков остался прежним Суриковым, и слава ему за это».

На полотне изображена девушка лет шестнадцати, вступающая в своем царственном одеянии под своды мрачного, полусвещенного монастыря. На лице ее выразились сложные переживания, весь мир ее душевной жизни. По условиям допетровского времени царевнам чаще всего было суждено пройти постриг в монахини и закончить свой век в монастыре. И вот Суриков показывает нам обреченную на эту участь реальную, земную девушку, выражая в ней свое представление о красоте русского, «непопорченного, ничем не тронутого», как он говорил, девичьего лица.

Правдиво и сильно изображены здесь старая мамка царевны и выстроившиеся в ряд в поклоне монашенки. Художник как бы противопоставляет чистую непосредственность и искренность девушки, ее безыскусственную душевную и физическую красоту будущему ее обиталищу, жестокому, суровому быту монастыря, пахнувшему на нее впервые своим тяжелым дыханием.

В картине все отличается удивительным совершенством живописного мастерства.

Оба произведения, представленные сейчас в залах Третьяковской галереи,— исключительно важная веха в творчестве великого русского живописца Сурикова. Недаром все, увидевшие их, высказывают одно и то же пожелание: навсегда оставить эти полотна в экспозиции сокровищницы русского искусства — Третьяковской галереи!

«Посещение царевной женского монастыря».

ВЗРЫВ... СТРОИТ

Г. ПОКРОВСКИЙ,
доктор технических наук

Многие столетия взрывчатые вещества с успехом применяются при строительстве шахт, дорог, каналов. И, тем не менее, когда речь идет о взрыве, то обычно в голову приходит мысль не о созидательном, а о разрушительном характере его действия. Это не случайно: до сих пор люди еще не умеют достаточно искусно управлять взрывами.

Вот почему особенно интересны успехи, достигнутые в последнее время советскими инженерами в области мирного использования взрыва.

Как известно, добывать уголь, руду и другие полезные ископаемые удобнее и быстрее всего так называемым открытым способом. Если удалить горную породу, прикрывающую месторождение, и подвести к пластам угля или руды железнодорожные пути, мощный автотранспорт, применить крупные экскаваторы, разнообразные способы взрывных работ, то производительность труда существенно повысится, а условия труда станут намного лучше.

Но каким же образом легче всего удалить мертвую породу?

Взрывом. При помощи тротила, пороха и других обычных взрывчатых веществ. Коллектив специалистов «Союзвзрывпрома» под руководством главного инженера М. М. Докучаева в течение двадцати лет проводит массовые взрывы на рудниках, в карьерах и на стройках. Закладывается сразу несколько зарядов. Раздробленная порода выбрасывается не куда попало, а по заранее намеченным направлениям и накапливается в совершенно определенных местах. Сейчас можно создать самые различные по размерам и форме карьеры, выемки, насыпи, дамбы, плотины...

Вот какие, например, массовые направленные взрывы огромной силы были проведены в Китае, в районе Ланьчжоу. Здесь при участии инженеров «Союзвзрывпрома» создавался крупный рудник.

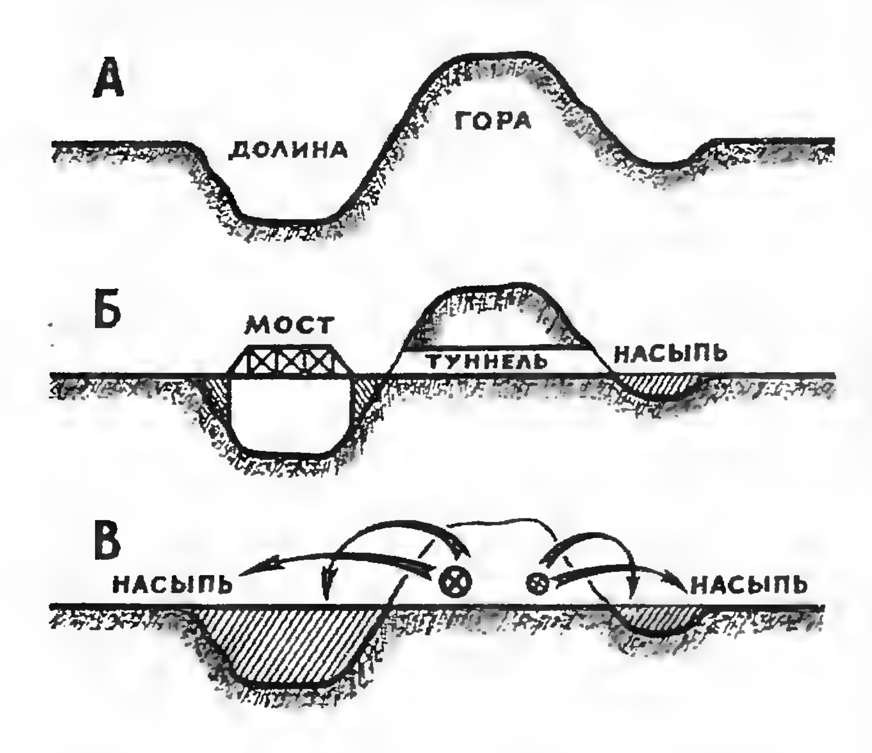

Схема сооружения железной дороги Баоцзи — Ченду в Китайской Народной Республике.
А. На трассе железной дороги — долина и гора.
Б. Можно было бы построить мост и пробить туннель...
В. Но с помощью массовых направленных взрывов (крестиками показаны места заложения зарядов) задача была решена и быстрее и проще.

Кадры из фильма о взрыве под Ланьчжоу.

19 июля 1956 года было взорвано одновременно 1 640 тонн зарядов. 15 ноября был проведен следующий взрыв зарядов весом 4 000 тонн. Наконец, 31 декабря было взорвано 9 200 тонн вещества. До этого в мировой практике взрывов такой силы не было известно. До 1956 года ни один заряд, использованный на строительстве, не достигал даже 2 500 тонн веса.

Особенно важно, что при этих взрывах, проведенных в условиях очень сложной геологической обстановки, с большой точностью оправдались теоретические расчеты размеров карьера и распределения выброшенных масс породы.

В Китайской Народной Республике строится железная дорога Баоцзи — Ченду. Трасса ее пересекает горную местность с очень сложным профилем. Здесь было проведено несколько очень эффективных направленных взрывов. Так, в одном месте была получена глубокая выемка, а из выброшенной породы образована насыпь, перекрывшая глубокое ущелье. Это позволило обойтись без туннеля и моста и на 8 месяцев сократило сроки работ.

В другом месте той же дороги мощным взрывом был прорезан хребет, огибаемый рекой. Река направилась прямым путем. После этого вторым мощным взрывом этот же хребет был перерезан также и в другом месте, а из выброшенного грунта образовались насыпи.

Являются ли китайские взрывы пределом современных возможностей? Безусловно, нет.

В настоящее время в Советском Союзе запроектированы взрывы еще большей мощности. Так, например, для создания крупного рудного карьера в восточном Казахстане предполагается произвести взрыв, намного превышающий китайский.

В ЗАЛАХ БАКИНСКОГО МУЗЕЯ

В Бакинском музее истории Азербайджана всегда многолюдно. Особенно интересны недавно открытые залы, посвященные борьбе за Советскую власть в Азербайджане. На стендах — пожелтевшие от времени фотографии, плакаты, газеты, бережно хранимые личные вещи героев революции, подлинники исторических документов...

Вот группа пионеров внимательно слушает экскурсовода, рассматривает небольшую пушку. Ее изготовили рабочие в 1918 году, из нее стреляли по контрреволюционным бандам во время мартовских уличных боев в Баку.

...Стенд известных всему миру двадцати шести бакинских комиссаров, портреты большевиков, зверски убитых английскими оккупантами в закаспийских песках. Под стеклом на черном бархате — пряди волос комиссара Басина, найденные в братской могиле.

Учительница что-то тихо говорит ребятам, и они бесшумно выходят из зала. А экскурсовод, молодая женщина, Пюста Азыз Ага-кызы Азизбекова, молча стоит у портрета своего деда Азизбекова — одного из двадцати шести.

Героически боролись большевики против интервентов и белогвардейцев на Каспии. Руководимые С. М. Кировым астраханские коммунисты отправляли в Баку оружие, листовки, газеты. Из Баку в Астрахань азербайджанские товарищи тайно доставляли нефть. Многие отважные моряки погибли, выполняя эти задания. В музее показаны макеты судов, на которых вывозилась нефть.

И вот настала наконец радостная весна 1920 года: в Баку вступили части XI Красной Армии.

С волнением читается хранящаяся в музее телеграмма В. И. Ленина, адресованная советскому социалистическому правительству Азербайджана.

«...Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджана совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока — от империализма»...

И. ИЛЬИЧЕВА

Экскурсовод музея кандидат исторических наук П. Азизбекова знакомит бакинских пионеров с героическим прошлым их отцов и дедов.
Фото С. Кулишова.

Вход на стадион «Динамо».

ГЕОГРАФИЯ ДРУЖБЫ

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ МОЛОДЕЖИ

В. ВИКТОРОВ, А. КУЛЕШОВ.

Фото А. Бочинина.

В эти дни в Москве возникло два центра — один на севере, у Сельскохозяйственной выставки, в фестивальном городке, другой на юге, в здании университета, где поселились участники Третьих международных дружеских спортивных игр молодежи.

Перерыв. Команда водного поло Германской Демократической Республики получает указания от своего тренера.

Как известно, фестиваль и международные игры не связаны между собой, но главная арена у них оказалась общей — Центральный стадион имени В. И. Ленина. Два дня подряд на этой арене шел праздник торжественного открытия. «Северяне» и «южане» — молодежь из самых разных стран земного шара праздновала здесь свое прибытие в Москву, свое знакомство с гостеприимными хозяевами — советской молодежью.

Это знакомство продолжалось и на улицах города и на Ленинских горах, с которых гости и хозяева любовались Москвой и панорамой нового, построенного в невиданно короткие сроки стадиона. Это знакомство продолжалось и на самом стадионе до открытия Третьих игр.

Мы были на поле Малого стадиона, где выстроились делегации, готовясь к параду. Здесь была своя география, отличная от той, которую мы все изучали в школах. С Австралией соседствовала Австрия, рядом с Албанией оказалась Аргентина, рядом с Исландией — Канада, а около Болгарии — Бразилия. И не нужно было преодолевать морей и гор, совершать долгое путешествие на самолетах и поездах, чтобы пожать друг другу руки. Исчезли границы.

Мы видели, как приземистый австралиец в зеленом пиджаке подошел к спортсмену — единственному представителю острова Ямайки,— обнял его, и так они и предстали перед фотообъективом японского гимнаста. А потом сам японец присоединился к ним, и всех троих снял сириец.

Мы видели, как бельгийская баскетболистка с радостным криком: «Коман са ва?» — бросилась к польской спортсменке. Они подружились еще на играх в Варшаве, и теперь бельгийская девушка хотела знать, как поживает ее подруга в Москве.

Потом нам повстречался известный советский легкоатлет Леонид Щербаков. Он разыскивал бразильского легкоатлета А. Ферейро да Силву. Еще в 1952 году на XV Олимпийских играх в Хельсинки встретились они впервые, и их спортивный поединок был одним из самых интересных на Олимпиаде. Там они подружились, продолжали заочную борьбу, снова встретились в Мельбурне и теперь никак не могли найти друг друга в этом шумном, волнующемся человеческом водовороте. Но, конечно же, эта встреча состоится. И она состоится до того, как Щербаков и да Силва выйдут на старт соревнований. Щербакову предстоит приятный сюрприз: за полгода, что он не видел своего бразильского друга, тот выучил русские песни. Да Силва — прекрасный певец и исполняет песни не только на родном португальском языке, но и на испанском, французском, чешском, английском и вот теперь на русском.

Зато японским гимнастам не составило особого труда найти своих советских друзей: обе делегации оказались рядом на поле стадиона. Советские и японские гимнасты были рядом весь этот день. Они провели совместную тренировку и теперь, стоя в кружке, положив друг другу руки на плечи, смеялись, обменивались впечатлениями. И кто бы мог подумать, глядя на эту мирную сценку, что через несколько дней Виктор Чукарин, Валентин Муратов, Альберт Азарян будут вести трудную борьбу с сильнейшими японскими гимнастами, и особенно с Оно, как они вели ее уже в Мельбурне.

Но вот прозвучали слова команды, погасли беседы, спортсмены выстроились под своими знаменами, и через несколько минут сто тысяч человек, заполнивших трибуны Стадиона имени В. И. Ленина, встречали аплодисментами появление загорелых юношей, несущих в своих сильных руках знамена сорока девяти стран.

Идет знакомый нам коренастый австралиец, подняв в приветствии руку. Страна XVI Олимпиады прислала небольшую, но сильную делегацию. В ее составе Аллан Лауренс, один из сильнейших стайеров мира. Это он вел борьбу в Мельбурне с Владимиром Куцем на дистанции 10 тысяч метров и занял третье призовое место. Идут бельгийские волейболисты клуба «Лафоррестуар». Они чемпионы своей страны, но в Москве намерены поучиться у сильнейших команд мира.

Не смолкают аплодисменты на трибунах. Вот они вспыхивают с новой силой. Это москвичи приветствуют спортсменов Венгрии. Рослые, сильные атлеты, они проходят, подняв руки, словно протянув их навстречу зрителям для крепкого рукопожатия. Здесь баскетболисты, которые славятся своим мастерством, известные на весь мир пловцы, замечательные легкоатлеты, фехтовальщики.

Идут спортсмены Германской Демократической Республики, а вслед за ними, четко печатая шаг, движутся рослые и стройные спортсмены Египта. Во главе делегации — баскетболисты. Их можно сразу узнать, и не только по росту. Москвичи знакомы с ними и давно уже оценили их прекрасное искусство. Горячими аплодисментами встречает и провожает стадион спортсменов этой свободолюбивой, отважной страны.

Проходят спортсмены Индонезии, Исландии, а затем появляется флаг Канады. За ним идет только одна девушка: Джесси Макдональд, учительница по профессии и замечательная легкоатлетка по призванию. Стройная, высокая, она непринужденно проходит мимо трибун в своем красном жакете и белой юбке. О ней нам рассказали

Китайские спортсмены на параде.

ПРОБЛЕМА ОТДЫХА БАСКЕТБОЛИСТА РЕШЕНА

Рисунок венгерского художника Ласло Каллуша.

ВЫСОТА ВЗЯТА.

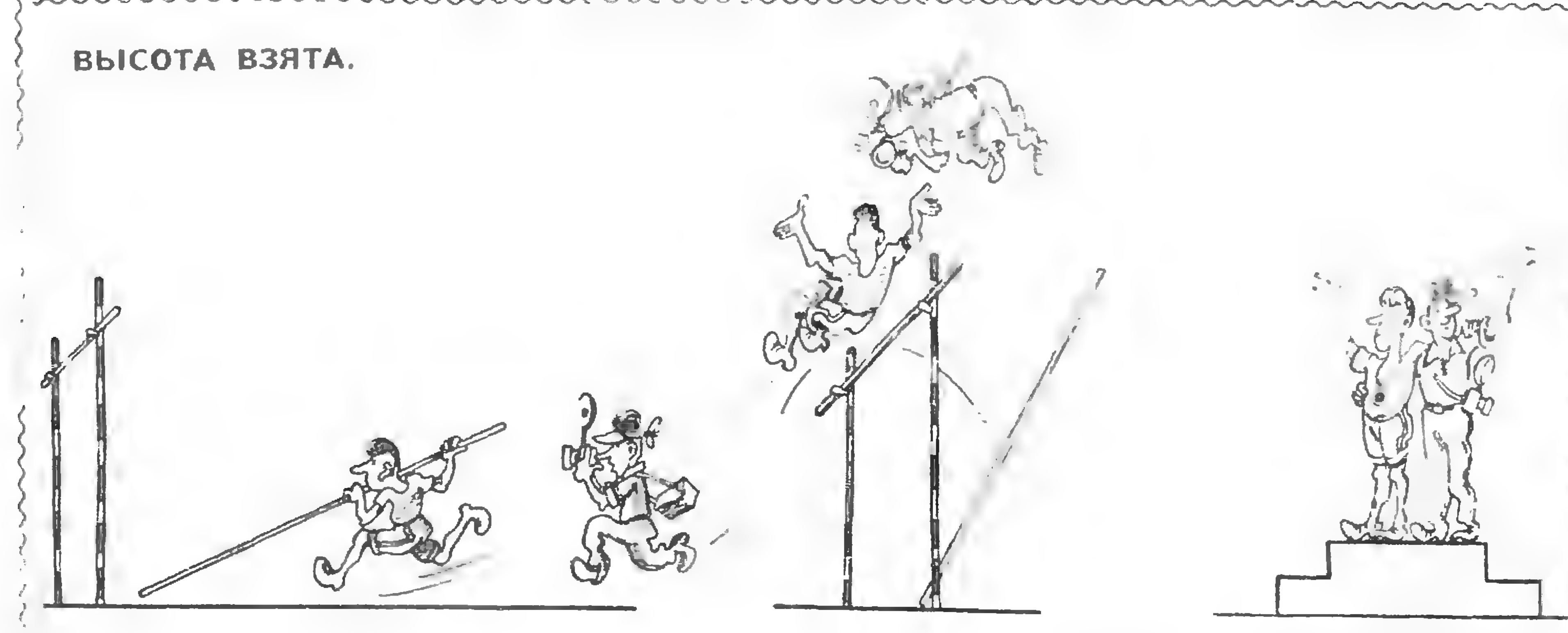

Рисунок И. Оффенгендена.

забавную историю. Школьники, ее питомцы, предложили ей занять место в футбольной команде. Говорят, что Джесси Макдональд была польщена этим приглашением, но предпочла все же свою незаурядную силу использовать в легкой атлетике.

Большие делегации прислали на Третьи игры молодежи Чехословакия и Франция. Мы узнаем баскетболистов парижского университетского клуба «Пюк» — сильнейшего во Франции. В составе делегации и известный штангист, чемпион Европы в полутяжелом весе Жан Дебюф. Это наш старый знакомый. Он большой друг известного советского штангиста Аркадия Воробьева. Дебюф считает себя его учеником, хотя у него есть тренер — Ришар Шапю.

Мы встретили Дебюфа перед началом парада, и он спросил нас с недоумением:

— Не видели ли вы моего тренера? С тех пор, как мы приземлились в Москве, я его потерял. Где бы он мог быть?

Мы вспомнили об этом разговоре, встретив неожиданно Ришара Шапю на трибуне.

— О, Москва! Это замечательный город. Я в нем забыл все свои дела,— заявил нам тренер Дебюфа.

Нас особенно порадовало то, что в составе швейцарской делегации шла команда борцов. Реакционное руководство швейцарского союза борцов приняло решение не состязаться с советскими и венгерскими спортсменами, и вот, несмотря на это, борцы Швейцарии в Москве. Да, они уже победили, даже не начав соревнования!

Громом аплодисментов встречает стадион посланцев Китайской Народной Республики. Это одна из самых больших делегаций... За ней идут делегации Кореи, Ливана, Мексики, Монголии... И вот опять один спортсмен идет за своим флагом — это новозеландец Норман Рид, олимпийский чемпион в ходьбе на 50 километров. Рид установил еще один своеобразный рекорд: никто из спортсменов, приехавших в Москву, не преодолел такого количества километров.

Идут спортсмены Польши, Румынии, Чили, Судана. По географии дружбы вслед за Суданом должно появиться знамя США. Но его нет на параде: немало сил приложили реакционные спортивные дельцы, чтобы сорвать поездку в Москву американских спортсменов. Не смогли приехать на Третьи игры молодежи олимпийские чемпионы Ричардс, Гордиен, Конноли и другие, хотя выразили желание принять участие в играх.

Перед началом игры.

Суданские и австрийские футболисты на стадионе.

Последними на стадион, как и положено гостеприимным хозяевам, вышли советские спортсмены — 500 человек, и каждый из них известен своим мастерством. В колонне абсолютная чемпионка XVI Олимпийских игр по гимнастике Лариса Латынина и чемпион по академической гребле Вячеслав Иванов, пловец Борис Никитин и легкоатлетка Мария Писарева...

Окончен торжественный ритуал открытия игр. Белый флаг с изображением берущего старт бегуна поднят на флагшток. Третьи дружеские спортивные игры молодежи начались!

Они начались еще накануне футбольным матчем Судан — СССР. А в следующие дни в Ленинграде на футбольное поле выступили команды Финляндии и Венгрии, в Ярославле китайские спортсмены со счетом 11 : 1 победили футболистов Ливана, в Горьком коллектив Румынии выступил против коллектива Сирии, в Коломне играли албанцы и корейцы.

Вслед за футболистами вступили в борьбу баскетболисты, в манеже Московского государственного университета вышли на ковер борцы, на треке стадиона «Юных пионеров» взяли старт велосипедисты, взлетел мяч над волейбольными сетками площадок стадиона «Динамо», появились стремительные скифы на водной глади Химкинского водохранилища, а на стадионе «Авангард» москвичи наблюдали необычные для них состязания стрелков из лука.

По 23 видам состязаются участники международных игр, но наибольшее внимание, как и обычно, привлекают к себе легкая атлетика и гимнастика.

Уже первые результаты обрадовали зрителей. Тот, кто видел борьбу австралийца Аллана Лауренса с Петром Болотниковым в беге на 10 тысяч метров или борьбу прыгунов Юрия Степанова и Игоря Кашкарова, взявших высоту 2 метра 13 сантиметров, тот может оценить высокий уровень мастерства, которым начаты Третьи дружеские игры.

О мастерстве и рекордах мы расскажем в следующем обзоре.

Баскетбольный матч Бельгия — Египет.

Бельгийские баскетболистки в ожидании игры.

ЗАДЕРЖИТЕСЬ НА СЕКУНДУ!

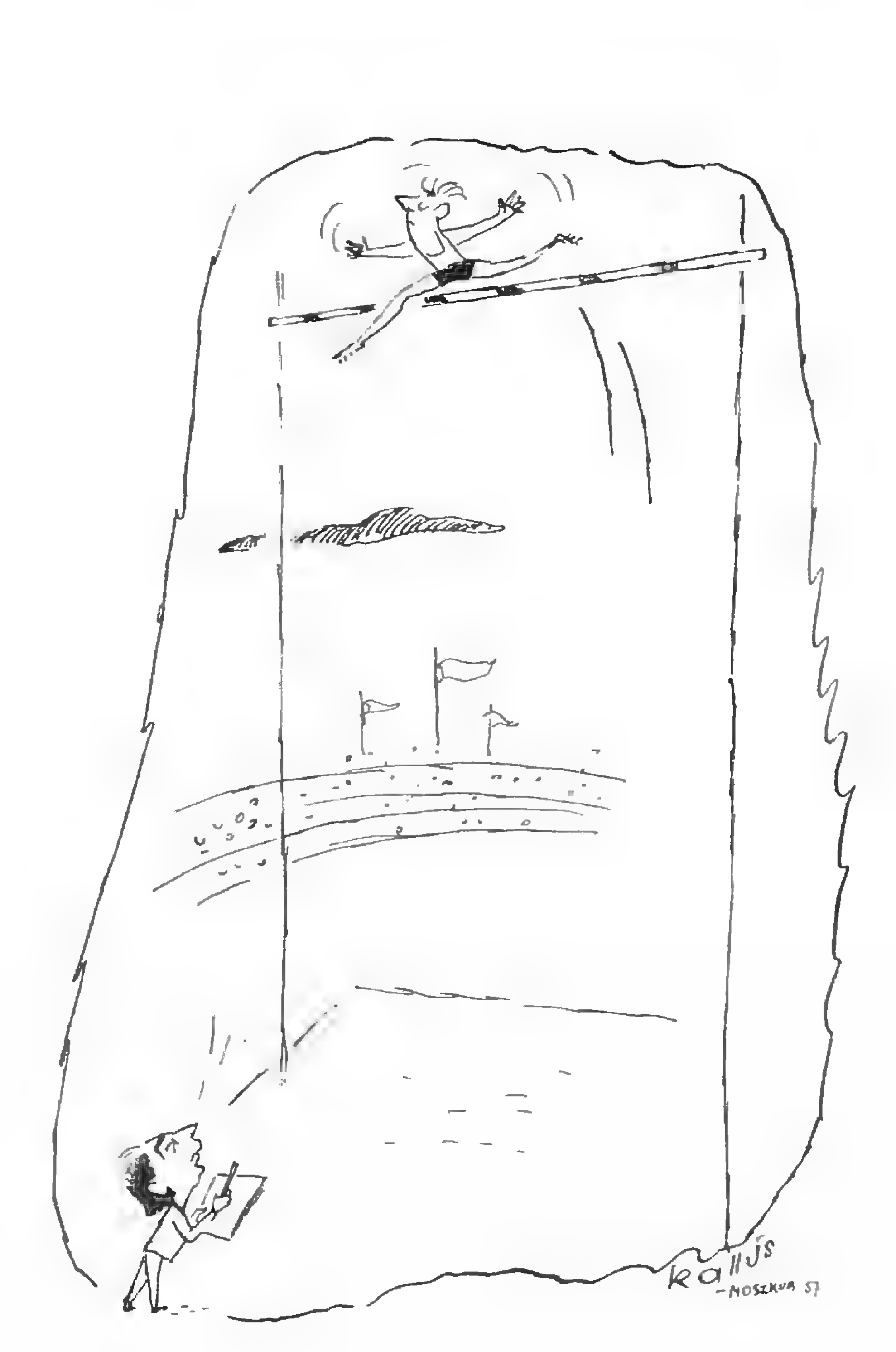

Рисунок венгерского художника Ласло Каллуша.

В ПАРИЖЕ И ПСКОВЕ

«Вишневый сад», «Чайка», «Три сестры» — эти пьесы можно увидеть на афишах парижских театров. Творчество Чехова французы любят, и каждое новое сценическое воплощение его произведений здесь — всегда событие. Театры ставят не только драматические произведения Чехова, но работают и над инсценировками его прозы.

Случилось так, что одна из юношеских пьес Чехова, известная больше исследователям его творчества, была поставлена в сезон 1956—1957 года почти одновременно в Париже и... Пскове. Имя русского драматурга появилось на афише парижского Национального народного театра (ТНП), руководимого Жаном Виларом, незадолго до гастролей в Москве и Ленинграде, осенью 1956 года. Драматический театр имени Пушкина в городе Пскове для своего первого чеховского спектакля выбрал ту же пьесу.

Название этой пьесы в рукописи Чехова не сохранилось. Сюжет ее таков: сельский учитель Платонов увлек вдову-генеральшу Войницеву, а также ее невестку Софью. Жена Платонова пытается покончить жизнь самоубийством; Софья убивает героя пьесы. По мнению биографов Чехова, тема этой пьесы — внутренняя опустошенность либеральной русской интеллигенции 80-х годов прошлого столетия, оскудение и разложение дворянства — в какой-то мере роднит ее с «Ивановым», «Вишневым садом», «Дядей Ваней».

Интерес к юношескому произведению Чехова после выхода его в 1923 году в свет («Неизданная пьеса А. П. Чехова». Москва. Центрархив) проявлялся больше со стороны зарубежных театральных деятелей. Пьесу ставили под разными названиями в Германии, Чехословакии, Италии, Швеции...

«Этот безумец Платонов» А. П. Чехова на сцене Национального народного театра (ТНП) в Париже. Войницева — Мария Казарес, Платонов — Жан Вилар.

Саша, жена Платонова. — Моник Шометт и Осип — Филипп Нуаре. На фотографии автограф постановщика спектакля Жана Вилара: «Очень дружески Жоржу Преснякову».

«Без названия» А. П. Чехова в Псковском областном драматическом театре имени А. С. Пушкина. Платонов — Ю. В. Пресняков и генеральша Войницева — Н. А. Полонская.

Парижский Национальный народный театр дал свое название пьесе: «Этот безумец Платонов» (сценический вариант Поля Кентена в 4 действиях. Постановка Жана Вилара). В театре Пскова был показан спектакль «Без названия» (сценическая композиция и постановка главного режиссера В. В. Истомина-Кастровского).

Не так давно псковским артистам пришла мысль познакомить со своим спектаклем французских коллег. Во дворец Шайо, где играет ТНП, были отправлены из Пскова фотографии сцен и отдельных исполнителей. Вскоре парижане прислали псковитянам ответный подарок — фотографии своего спектакля, и одну из них с автографом Жана Вилара. Директор-распорядитель ТНП г-н Жан Руве писал им:

«Жан Вилар, товарищи из Национального народного театра и я были безгранично рады получить от вас изумительные материалы о вашей постановке «Пьесы без названия» А. П. Чехова. Мы намерены экспонировать их во дворце Шайо к открытию нового сезона, когда «Этот безумец Платонов» будет возобновлен...

Позвольте обратиться к вам с просьбой прислать программу спектакля и другие материалы, которые вы могли собрать за это время,— с той целью, чтобы наша маленькая экспозиция выглядела бы более солидно. С нашей стороны мы готовы послать вам все, что вы захотели бы иметь в своем распоряжении: пьесу, афиши, программы и т. д.».

Далекое расстояние между Парижем и Псковом не помешало французским и русским актерам сойтись в их общей большой любви к Чехову. Дружеский же обмен театров фотографиями позволяет читателям «Огонька» познакомиться как с той, так и с другой постановкой.

Н. АЛЕКСЕЕВ

ТАК ВОТ ОНА КАКАЯ, МОСКВА!..

Жан Пьер Шаброль.

Париж. Июль 1957.

Кузнецы

Борис РАХМАНИН

На сцене маленькой и узкой,
Как только в клубе шум утих,
Традициям согласно русским,
Ну, и общественной нагрузке,
Два кузнеца сложили стих.
На тему дня, для фестиваля,
В реалистическом ключе...
Стих не писали —
рисовали
На профсоюзном кумаче.
Работа двигалась с успехом,
А чтоб хранилась чистота,
Надели парни, словно в цехе,
Свои спецовки из холста.
Они сильней в кузнечном деле,
Но раз так надо —
будет стих...
И, как веснушки,
брызги рдели
На лицах добродушных их.
Один гуашь носил со склада,
Другой по комнате ходил...
«Мы кузнецов из Колорадо
Приветствовать, конечно,
рады!» —
Он вдруг, ликуя, находил.
И пот со лба стирал устало,
Как будто только что ковал,
Две строчки эти вслух читал он,
И друг не меньше ликовал.
И повторять опять заставил,
Хоть автор скромно возражал...
«Смотри, какой ты стих
составил!
А ну, дай пять!..»
И руку жал.
И вновь измазанные кисти
Всю ночь у двух парней в
руках.
Им виделись не интуристы
В блестящих рыжих башмаках.
Им виделся красивый в меру
(Ну, черный чуб, ну, ясный
взор)
Парнишка в праздничном
сомбреро,
(Есть головной такой убор),
Уже прошедший милей тыщу
И переплывший сотню рек,
Как и положено, плечистый,
Свой брат — рабочий человек.

Книга-малютка

Эта книга почти вдвое меньше спичечной коробки. В ней напечатаны два произведения М. Горького — «Буревестник» и «Песня о Соколе», с портретом автора и двумя заставками. Книга в переплете из светло-зеленой кожи, на котором изображен летящий буревестник.

Выпустил ее Гослитиздат в подарок участникам VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Над изготовлением книжки-малютки немало потрудились работники московской типографии «Красный пролетарий».

Травиата

Дорожный рассказ

С. МАРВИЧ

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Н-да, накладка... — заметил пожилой человек в вельветовой куртке.

Он засунул в рот кончик седого длинного уса.

— Осечка! — Сержант, румяных щек которого, кажется, еще не касалась бритва, смешливо покрутил стриженой головой.

— Ужасный конфуз, — сказала полная дама в роговых очках.

— Я обязан был вскрыть ошибку, — доносился смущенный голос с верхней полки.

— Да не о вас речь, гражданин!

Старая женщина, державшая на коленях спящего ребенка, ничего не говорила. Она была растеряна.

— Может быть, вы пройдете в тамбур, успокоите ее? — обратилась ко мне дама в роговых очках.

Я прошел в тамбур. Там плакала женщина лет двадцати двух, наша соседка по цельнометаллическому вагону. Она закрывала лицо руками и отталкивала плечом мужа, который пытался ее успокоить. Муж, такой же молодой, как она, длинный, с длинным лицом, с бегущим оленем на джемпере, нервно закуривал и тут же гасил папиросу.

— Ты... ты... во всем в-виноват, — судорожно всхлипывала жена. — Т-ты один... Ты всегда т-тянулся...

— К чему я тянулся?

— К шик... к шик... к шикарному.

— Ты первая тянулась. Ты всегда хотела...

— Чего я х-хотела?

— Этакого, такого, особенного. Взгляни объективно.

— Не н-надо мне об... об... объективно. Теперь меня засмеют.

— Кто засмеет?

— Жа... Жа... Жа... Жанна.

— Черт с ней!

— И Э... Э... Э... Эвелина. И... И... И... И... Инесса.

— Черт с ней, с Эвелиной. И с Инессой.

— Сам иди к че... к черту. Не тронь меня!

— Ну, пойдем, пойдем же, — просил муж.

— Ни... никуда отсюда.

Я вернулся в вагон.

Как все здесь было мило, в нашем цельнометаллическом, всего десять минут тому назад.

За несколько часов до окончания нашего пути в вагон вошли молодая чета и старенькая женщина с ребенком.

Свободные места были только на боковушках. Но матери, старушке и ребенку тотчас уступили места получше. Женщины легли отдыхать, и мы говорили вполголоса. Радио молчало.

Молодой отец семейства снял коротенькую курточку из мягкой кожи, взглянул в окно, оглядел нас и немного рассказал о себе. Он, художник-ретушер, ездил к родителям показать жену и ребенка. От станции до родителей километров пятьдесят, но дорога — сплошной нонсенс.

— Это как? — переспросил пожилой в вельветовой куртке.

— Абсолютный нонсенс, — протянул молодой отец, зачесывая назад длинные прямые волосы.

— Это что же?

— Километров двадцать немощеных.

— Значит, нонсенс — немощеная дорога?

— Нонсенс — это кошмар. По-английски.

— Ошибаетесь, — донесся голос с полки. — Нонсенс — это чепуха.

— В общем, похоже.

— Не очень.

Последовал рассказ, что в городишке, куда он ездил, по всем линиям — нонсенс. Это слово молодой отец выговаривал как-то с присвистом, сквозь зубы.

— Значит, не понравилось в родном углу? — спросил пожилой в вельветовой куртке.

— Шепчете.

— Что? Кто шепчет?

Молодой отец помедлил, прежде чем ответить.

— Шепчете — это значит: еще спрашиваете...

— На каком языке?

— На нашенском.

— Не на нашенском, а... — Человек в вельветовой куртке махнул рукой.

Между тем проснулась молодая мать. Она, тоненькая, с пухлыми губами, с капризной складкой в углу рта, сначала взглянула на себя в зеркало, потом на ребенка и начала закручивать на карандаш завитки светлых волос.

Она также пожаловалась на скуку в городке, где живут родители мужа.

— Это не отпуск. Будто в детский сад съездила, — протянула она. — Тоска невыразимая. Танцуют под баян, джаза не видели.

— И только от этого тоска? — Пожилой в вельветовой куртке еле сдерживал раздражение.

— Ну, не только от этого... Вообще настоящих развлечений нет. Позвали нас на блинаж, а разговоры самые ординарные.

— Куда позвали?

— На блинаж.

— Что за штука?

— Обыкновенная. Блины, — отозвался молодой муж.

— Твоя воля... И до этого добрались. Ну, а от слова «обалдеть» как будет? Обалдаж, что ли?

Проснулась девочка. Она всем очень понравилась — пухлощекая, синеглазая, с неосмысленным смехом, чистенькая. И девочка примирила нас с этой четой.

Старушка, наклонясь над ребенком, ласкала его.

— Бабушка?

— Мне бабушка, а ей прабабушка, — объяснила молодая мать.

Старушка, наклонясь над ребенком, приговаривала:

— Ах ты, травочка-муравочка моя... Травочка-муравочка...

— Травочка и есть... Молодая поросль... Мягонькая, шелковистая, — вздохнул пожилой в вельветовой куртке. — Вот и мои такие были... А теперь внучку жду. Или внука. Тоже будет травочка-муравочка...

— И вовсе нет, — недовольно отозвалась молодая мать.

— Не от того понятия ведете, гражданин, — сказал молодой отец.

— От какого еще понятия? Трава и есть трава.

— А она у нас Травиаточка, — нараспев сказала старушка.

— Что? Какая Травиаточка?

— Так и крестили... По-новому то есть крестили...

— Не суйтесь, бабушка! — оборвала старушку молодая мать. — Крестить не крестили, а записали Травиатой.

— Травиата Эрнестовна. — Молодой отец выпятил грудь с оленем на джемпере.

— Даже Эрнестовна? — Пожилой уже не старался сдержаться. — Ты Эрнестом в какой пятилетке стал?

Молодой отец ответил презрительным молчанием, искоркой в глазах.

А молодая мать объяснила нам:

— Мы искали имя покрасивей. Не могли подобрать. Смотрели мы «Травиату» с Масленниковой. Проводит время шикарно: «Быть свободной, быть беспечной... И не знать тоски сердечной...» И умирает шикарно. Ну, меня просто осенило. Эрнест, говорю, давай назовем Травиатой. Ни у кого из знакомых нет. Ну, в загсе нас отговаривать. А мы: «Не имеете права». Записали.

На верхней полке кто-то завозился. Это был тот невидимый пассажир, который объяснил значение английского слова «нонсенс». Он свесил ноги, пригладил волосы и надел очки.

— Право-то у вас есть, — нетерпеливо сказал он, — но это право на глупость.

— А вы нам не советуйте, гражданин, — теперь начинал сердиться молодой отец.

— Советовать надо было до того, как вы глупость сделали.

— Ну, это вы оставьте. Своим умом живем.

— Что такое «Травиата»? — спросил человек, свесивший ноги с верхней полки.

— Известно, что...

— А вы точнее.

— Ну, знаете, я не на экзамене.

— На экзамене у меня единицу схватите.

— «Травиата» — это опера. Так героиню звали... Одним словом, которую Масленникова...

— Не звали, а прозвали. А звали ее Виолеттой. А почему прозвали Травиатой? Почему?

— Гражданин, да что вы в самом деле!..

— Да ведь дочке-то вашей жить с этим именем.

— Ну и что? — Молодая мать забеспокоилась.

Пассажир поставил ногу на выступ и медленно спустился вниз. В руках у него была толстая книга.

— Я итальянский язык преподаю. Травиата в переводе на русский означает блудница.

— Нет! — закричала молодая мать. — Не может быть! Не верю! Так красиво было!..

— Не верите? Вот словарь.

Он отыскал нужное слово, и мы все поочередно проверили его.

Молодая мать заплакала и бросилась через весь вагон в тамбур. Растерянный муж последовал за нею. Она там плакала долго. Я несколько раз выходил в тамбур, но она меня не слушала. А преподаватель все повторял, что он не мог поступить иначе. Он опять залез на полку.

— Девочка вырастет, станет девушкой. Девушкой по имени Травиата. Нелепо и даже страшно, — говорил он.

Потом молодая мать вернулась с лицом, опухшим от слез, и легла, ни на кого не глядя.

Пассажир в вельветовой куртке тихо говорил отцу:

— Ты же переделался в Эрнеста. А кем был?

— Петром.

— Ну, и ее из Травиаты можно обратно вывести. Не знаю, как это делается, но можно.

К нам подсел пассажир из другого вагона, юрист по профессии. Он точно объяснил, как это делается.

Путь наш подходил к концу. Молодое семейство заторопилось. Шествие замыкала ошеломленная прабабушка с ребенком на руках.

ФЕДОТ, БОЛОТО И ПАСТУХ

Басня

Сергей **МИХАЛКОВ**

Рисунок К. Ротова.

Дружки-приятели водились у Федота.
Они и завели товарища в болото.
Он, говорят, идти за ними не хотел,
Да отказаться не посмел...
Как начали дружки тонуть
Поодиночке,
Стал прыгать наш Федот от кочки и до кочки
И, наконец, допрыгался до точки:
Ему уже ни охнуть, ни вздохнуть —
Засасывает гниль и тянет вниз Федота.
Федот идет ко дну. Федоту жить охота!..
Пастух, что в тех местах в то утро стадо пас,
Трясину обходил — искал в лесу ягненка.
Вдруг видит: человек в гнилой воде завяз,
На убыль у него уже идет силенка!
Чтоб жизнь свою от гибели спасти,
Карабкается он из тухлой, ржавой жижи,
К сухому берегу все ближе, ближе, ближе,
За все, что под рукой, хватаясь по пути...
— Держись, Федот! — тут закричал Пастух
И кинул утопающему палку.
Собрал Федот последний дух,
Собрал Федот всю волю, всю смекалку
И выбрался на берег чуть живой,
Едва не поплатившись головой
За всех своих дружков и за характер свой.

Когда тебя дружки в болото волокут,
Мозгами шевельнуть не посчитай за труд!

МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Ослиному уху золотые серьги в тягость.
Слепой не нуждается в фонаре.
Дурак считает себя выше неба.
Чиновник всегда ссылается на закон, лама — на Будду, а вор — на волка.
Умел взлететь, умей и сесть.
Иной раз слепой находит ночью то, что зрячий не видит днем.
На помете одного верблюда могут поскользнуться тысячи.
Лучше изнашивать чепрак, чем подушку.
Когда тигр играет в горах, дрожит осел на привязи у дома.
Лучше рухнуть скалой, чем сыпаться песком.

Собрал д-р РИНГЕН.

Улан-Батор.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Крупная вечнозеленая лиана. 6. Музыкальное сопровождение. 9. Чешский живописец и график. 10. Поэтический прием. 11. Электрический фонарь в автомобиле. 15. Город на реке Урал. 18. Русский поэт. 19. Крепостное или полевое укрепление. 20. Четыре литературных или музыкально-драматических произведения, объединенных общим замыслом. 21. Крупнейший остров на земном шаре. 23. Герой Советского Союза, партизанка. 24. Музыкант, в совершенстве владеющий техникой исполнения. 25. Часть весла. 28. Перекрытие дугообразной формы. 29. Литературный работник. 30. Крупный хищный зверь. 33. Чувство признательности. 34. Слой атмосферы.

По вертикали:

1. Минерал, применяемый при плавке руд. 2. Опера Ю. Шапорина. 3. Быстрое чередование музыкальных звуков. 4. Действительное событие. 5. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 7. Повествовательная художественная литература. 8. Применение постоянного электрического тока с лечебной или технической целью. 9. Совокупность приемов возделывания сельскохозяйственных культур. 12. Приспособление для поглощения энергии удара. 13. Движущаяся лестница. 14. Прибор для изменения амплитуды, частоты колебаний. 16. Командир корабля. 17. Высокий женский голос. 22. Машина для земляных и горных работ. 26. Река в Китае, приток Амура. 27. Представитель народа Прибалтики. 31. Широкое водное пространство между островами. 32. Водоплавающая птица.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 31

По горизонтали:

4. Фестиваль. 6. Казарка. 8. Оркестр. 11. Бисер. 14. Готланд. 15. Поленов. 16. Парад. 18. Нанка. 19. Опока. 21. Балет. 24. Материк. 25. Газон. 27. Сарафан. 30. Песня. 31. Севан. 32. Рондо. 33. Ферзь. 34. «Старт».

По вертикали:

1. Негры. 2. Флокс. 3. Трамплин. 5. Эстафета. 7. Афиша. 8. Омега. 9. Москва. 10. Ананд. 12. «Молох». 13. Домино. 16. Панама. 17. Долина. 20. Река. 22. Люмен. 23. Турнир. 25. Гомель. 26. Загар. 28. Радость. 29. Фанфара.

На вкладках этого номера репродукции картин А. А. Дейнеки «Никитка — первый русский летун», «Оборона Севастополя», «Раздолье», «Вечер», «В. В. Маяковский в РОСТА» и четыре страницы цветных фотографий.

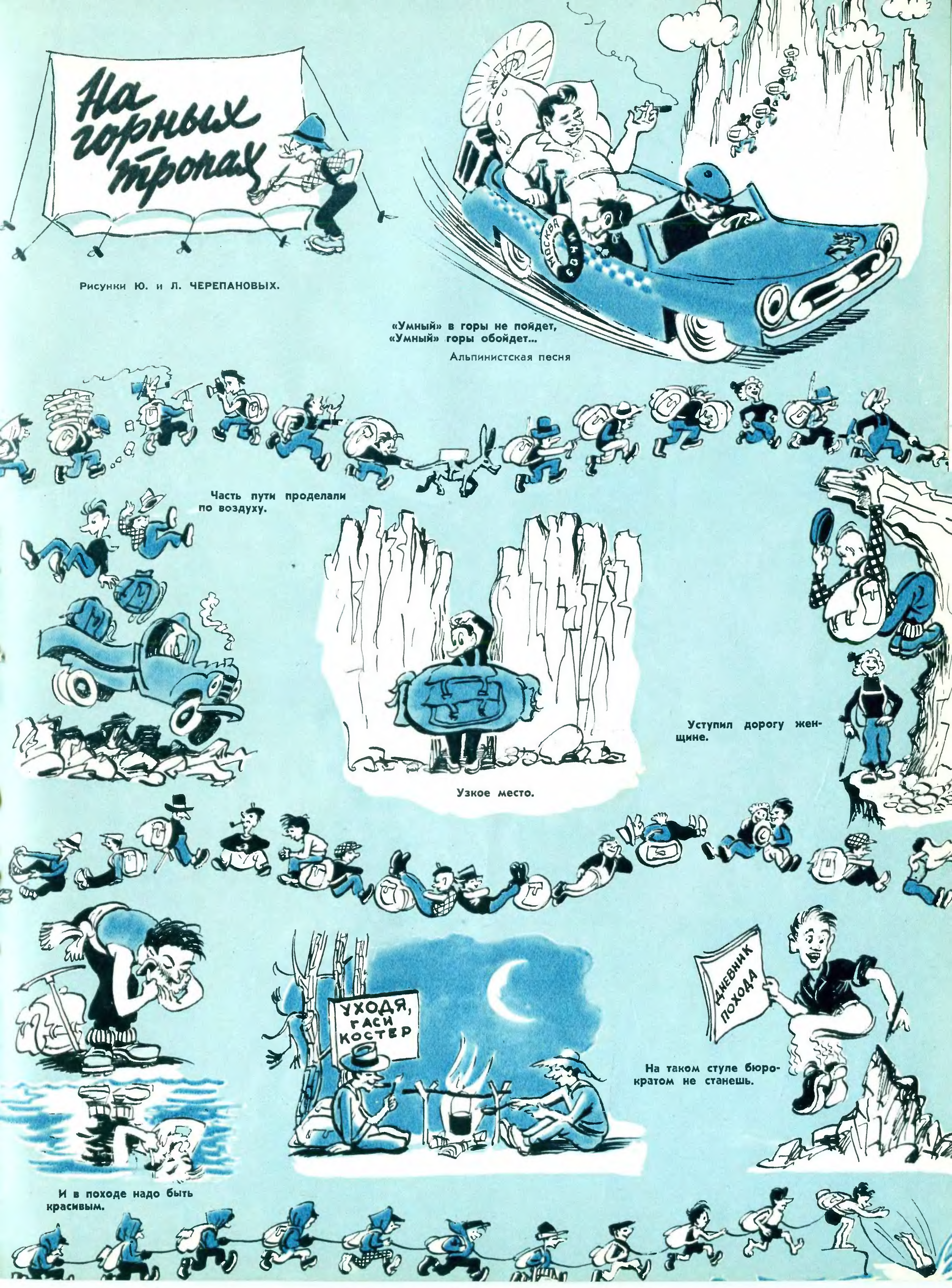
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06638. Подписано к печати 31/VII 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 888. Заказ № 1890.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рисунки Ю. и Л. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

«Умный» в горы не пойдет,
«Умный» горы обойдет...

Альпинистская песня

Часть пути проделали по воздуху.

Узкое место.

Уступил дорогу женщине.

На таком стуле бюрократом не станешь.

И в походе надо быть красивым.

Цена номера 3 руб.